
Zinātniskie raksti

**PILSĒTU VĒSTURES
PROBLĒMAS**

I

Latvijas PSR Augstākās un vidējās speciālās
izglītības ministrija

Ar Darba Sarkanā Karoga ordeni apbalvotā
Pēteru Stučkas Latvijas Valsts universitāte
Vispārējās vēstures katedra

Pēteru Stučkas Latvijas Valsts universitātes
zinātniskie raksti
211. sējums

PILSĒTU VĒSTURES PROBLĒMAS

I

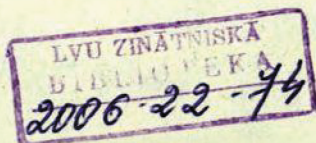
Pēteru Stučkas LVU Redakcijas un izdevniecības daļa
Rīga 1974

Krājums satur sešus rakstus, kas veltīti Rietumeiropas un Latvijas pilsētu vēsturei no senajiem laikiem līdz mūsu dienām un avar ekonomiskās attīstības, šķiru cīņas jautājumus un citas pilsētu vēstures problēmas. Raksti ir oriģināli zinātniski darbi, kas var interesēt speciālistus-vēsturniekus un plašas lasītāju aprindas, kā arī palīdzēt studentiem - vēsturniekiem padziļināt savas zināšanas pilsētu vēstures jautājumos.

Сборник содержит шесть статей, посвященных истории городов Западной Европы и Латвии со времен античности до наших дней. В них рассматриваются вопросы экономического развития, классовой борьбы и другие стороны истории города. Статьи являются оригинальными научными исследованиями, которые могут заинтересовать специалистов-историков и более широкие слои читателей, а также помочь студентам-историкам углубить свои знания по вопросам истории города.

© Pēteris Stučka LVU Redakcijas un izdevniecības daļa, 1974

P 0-1-6-3-117u 74
M 812(11)-74

I. Ķemere

DAŽAS POLISAS TEORĒTISKĀS PROBLĒMAS ARISTOTEĻA POLITISKAJOS UZSKATOS

Šī raksta uzdevums ir pievērst uzmanību dažiem Aristoteļa izvirzītiem teorētiskiem vispārinājumiem, kas saistīti ar polisu, konkrēti - polisas jēdziena definējumam un būtības skaidrojumaam.¹ No Aristoteļa darbiem šajā sakarā minami 3 "Ētikas" traktāti un nepabeigtais traktāts "Politika", kur risināti jautājumi par polisas būtību, par ideālu polisu un vispārteorētiskas polisas problēmas; atsevišķu polisu vēstures jautājumiem veltīta populārzinātniskā t.s. politiju sērija (158 politijas), no kuras saglabājusies visumā pilnīgi tikai viena - "Atēniešu politija" (jeb "Atēniešu valsts iekārta").

Aristoteļa politisko uzskatu centrā ir polisa, resp. tā valsts forma, kas antīkajā Grieķijā sasniedza savu vispilnīgāko uzplaukumu un visaugstāko attīstības pakāpi. Teritoriāli un etniski visaptverošu grieķu valsti antīkā pasaule nepazīna, turpretī polisa izveidojās par tik stabilu valsts formu, ka saglabāja zināmu relatīvu patstāvību vēl helēniskās monarhijas un pat Romas impērijas ietvaros.

Grieķu vārds *πολις*, ko parasti tulko kā "pilsēta" vai "pilsēta-valsts", sengrieķu autoru darbos lietots visumā diezgan plašā nozīmē. A.Dovatārs savas grāmatas I nodaļā norāda, ka, piem., Herodots un Ksenofons par polisām sauc ne tikai grieķu, bet arī austrumu zemju negrieķu pilsētas, Polibijs par polisu sauc pat vienkārši algotņu armijas nocietinātu apmetni.² Platons savu ideālo valsti arī dēvē par polisu, lai gan, iedomājoties reāli tās apmērus, tā nekādā ziņā neatbilstu seno grieķu priekšstatam par polisu, bet, kā saka Aristotelis³, "tik lielam "paredzētajam pilsoņu

daudzumam būtu nepieciešama Babilonas⁴ teritorija, vai kādas citas zemes teritorija, kas spējīga uzņemt bezgalīgu daudzumu".

Šķiet, ka nav neviena cita antīkā autora, kas tik apzināti kā Aristotelis norobežotu polisas jēdzienu un tik skaidri un konsekventi piemērotu savu politisko domāšanu antīkajai polisai, nodalot no tās negrieķu valstiskos veidojumus.⁵ Aristoteļa politiskie uzskati, kas veidojās polisas krīzes periodā, neatraujami saistīti kā ar visu iepriekšējo politiskās domas attīstību Grieķijā, tā ar konkrēto vēsturisko situāciju. Gan pastāvošo polisū konstitūcija, gan ideālas polisas iekārta un uzbūve ir viens no visplašāk diskutētajiem jautājumiem senajā Grieķijā, sākot ar V gs.p.m.ē., kad veidojās dažādas politiskas teorijas, kuras radīja un popularizēja galvenokārt sofistī. Šāda politiskās domas rošanās saistāma pirmām kārtām ar Atēnu demokrātijas uzplaukumu, kad patiešām visplašākās brīvo ļaužu masas aktīvi iesaistījās notikumos bagātajā tā laika politiskajā dzīvē un kad politiskā prakse uzkrāja bagātu pieredzi. Politiskie jautājumi tika risināti ne tikai teorētiski, bet arī praktiski - politiskajās cīņās. Gan no daiļliteratūras sacerējumiem, gan no paša Aristoteļa "Atēniešu politijas" mēs redzam, cik ļoti liela bija brīvo atēniešu loma svarīgu politisku jautājumu izlemšanā, cik liela bija amatpersonu atbildība tautas priekšā, cik dziļi valsts dzīve bija iespaidusies personiskajā. Aristoteļa atzinums, ka "cilvēks ir sabiedriska⁶ būtne" (*πολιτικὸν ζῷον*) dziļi sakņojas īstenībā. Politiskās cīņas V-IV gs. p.m.ē. nereti bija ļoti asas, sevišķi, kā to norāda arī Aristotelis, starp oligarhijas un demokrātijas piekritējiem. Aristotelis citē pat zvērestu, kāds bija pieņemts slepenos oligarhiskos grupējumos, kuri pastāvēja dažās demokrātiskās polisās: "Es būšu naidīgs tautai (*dēmosam*) un kaitēšu tai, cik spēšu".⁷ "Politikas" V grāmatā teikts: "Vienā polisā izveidojās it kā divas polisas."⁸ IV gs. p.m.ē. Grieķijas teritorijā gandrīz nepārtraukti risinājās kara darbība; karoja vai nu

polisas savā starpā, vai arī dažādie grupējumi pašās polisās, vai arī noritēja cīņa pret ārējo ienaidnieku. Zīmīgi, ka Platona dialogā "Likumi" krētiētis Kleinijs par dabisku uzskata tādu stavokli, kad polisa karo ar polisu, ciems ar ciemu, māja ar māju un katrs pats ar sevi - "visi ir ienaidnieki visiem gan valsts mērogā kā pilsoņi, gan paši pret sevi."⁹ Par politiskās situācijas nestabilitāti gan pašās polisās, gan polisu starpā runā arī Aristotelis: "Vajadzētu raudzīties, lai tie, kas grib saglabāt pastāvošo iekārtu polisā, būtu pārsvarā pār tiem, kas to grib gāzt."¹⁰ Par Atēnām Aristotelis saka, ka tās vienmēr centušās uzspiest citām polisām demokrātisko iekārtu, tāpat kā Sparta oligarhisko.¹¹

Politisko cīņu asumu nosaka tas, ka, jau sākot ar V gs. p.m.ē. otro pusi un sevišķi IV gs. p.m.ē., polisa pārdzīvoja dziļu ekonomisku, sociāli politisku un ideoloģisku krīzi. Par to liecina vairāki simptomi, kas atspoguļoti tā laika autoru darbos. Piemēram, spilgtu liecību par bagātību koncentrēšanos atsevišķu turīgu un uzpēmīgu pilsoņu rokās un strauju nabadzības palielināšanos iedzīvotāju zemākajos slāņos dod Ksenofonts darbā "Par ienākumiem". Neatturamo tieksmi, kas bija pārņemusi turīgākos atēniešus pēc iespējas vairāk sakrāt naudu un saraust bagātības, Ksenofonts raksturo šādi:

"Ja kāds iegādājies saimniecībā vajadzīgos priekšmetus tik daudz, cik tas ir nepieciešami, tad viņš vairāk tos nepērk, bet naudu neviens vēl nav iegādājies tik daudz, ka tā viņam vairs nebūtu vajadzīga. Ja arī kādam tās ir pārāk daudz, tad lieko viņš ierok zemē, pie tam izjūzdams ne mazāku baudu kā tad, kad viņš to lietotu."¹²

Kas attiecas uz Atēnu dēmosa dzīves līmeni, tad Ksenofonts vairākkārt lieto apzīmējumu "tautas masu nabadzība" (*πενία τοῦ πλῆθους*).

Arī Aristoteļa "Politikā" teikts:

"Liekas, ka bagātībai vajadzētu būt kādai robežai, bet dzīvē mēs redzam, ka notiek pretējais, visi, kas

nodarbojas ar augļošanu, cenšas palielināt naudas krājumus līdz bezgalībai." ¹³

Pēc Peloponēsas kara neviena no grieķu polisām nespēj nostāties pārējo priekšgalā, lai būtu par hegemonu citā pret draudošajām briesmām kā no Persijas, tā no Maķedonijas puses. No Demostēna runām redzams, ar kādām grūtībām katru reizi bija jāsastopas pašai aizliegīgajam Atēnu patriotam, lai uzmodinātu atēniešus palīdzēt sabiedroto pilsētām pret Maķedonijas tikoņiem un cik nesekmīga bieži bija šī palīdzība. Tāds politiskās krīzes simptoms kā pieaugošās bailes no grieķu algotņu armijām, kas bija kļuvušas par bīstamu spēku pašām polisām, labi atspoguļots Ksenofonta "Anabazē", kur parādīts, cik ļoti nelabprāt grieķu polisas uzņēma pašu grieķu algotņu armiju. Par politisku un ideoloģisku krīzi liecina arī tirāniskās uzurpācijas draudi vairākās grieķu polisās. Lai gan šai laikā ne Atēnās, ne Spartā tirāniskā vienvaldība nenodibinājās, tomēr uzurpācijas draudi pastāvēja kā vienā, tā otrā. Atēnās kā piemēru var minēt notikumus, kas saistās ar Alkibiādu, kā arī 30 vīru valdīšanu, kas pašu grieķu autoru darbos tiek arī saukta par tirāniju; Spartā notikumus, kas saistīti ar vairākiem veiksmīgiem un ietekmīgiem karavadoņiem, jo sevišķi ar Lisandru, kurā trāpīgu raksturojumu dod Plutarhs šādā īsā teikumā: "Divus Lisandrus Grieķija nebūtu izturējusi." ¹⁴

Šāds stāvoklis, kad daudzas problēmas prasīja neatliekamu talitēju praktisku risinājumu, neapšaubāmi rosināja meklēt izeju no radušās krīzes. Praktiski sevišķi aktuāli šie jautājumi kļuva IV gs. p.m.ē., kad polisas krīze īpaši saasinājās: blakus polisai kā jauna un spēcīga valsts forma sāka veidoties helēniskā monarhijs. Šādos apstākļos Aristoteļa nostāšanās polisas pusē (Aristotelis savu ideālo valsti plāno kā polisū) ir sevišķi raksturīga.

Aristotelis, atšķirībā no citiem antīkiem autoriem, vispirms cenšas noskaidrot polisas jēdziena saturu, norobežojot to no citām līdzīgām parādībām, tad sīki iztirzā jautājumu par polisū formu daudzveidību un šo formu savstarpējām

attiecībā. Sava politiskajā filozofijā Aristotelis lieto tās metodes un tos principus, kas izstrādāti viņa "Kategorijās" un logikā, tomēr jāatzīmē, ka teorētiskie vispārīnājumi, kas izklāstīti galvenokārt nepabeigtajā traktātā "Politika", balstīti uz plašu empirisko faktu materiālu: vairāk nekā 150 polisu konstitūciju apraksti bija visumā sastādīti jau pirms teorētiskā traktāta "Politikā", vai arī šis darbs tika veikts paralēli.

Raksturīgi, ka Aristotelim nav vienas noteiktas, kaut cik pilnīgas un izsmeļošas polisas definīcijas. Polisas jēdziens tiek skaidrots vairākkārt, katru reizi vai nu raksturojot polisu no citas puses, vai arī padziļinot un tuvāk paskaidrojot iepriekšējo definējumu. Zināmā mērā tāda pieeja izskaidrojama ar to, ka viss darbs "Politika" nav radies vienā noteiktā laikā, bet gan atspoguļo Aristoteļa uzskatu zināmu attīstību, blakus senākām atzīpām iesprausti vēlāka laika teorētiski vispārīnājumi. Tomēr analītiska pieeja izpētāmajam objektam, resp. tā aplūkošana pa atsevišķām daļām dažādos aspektos ir Aristotelim raksturīga metode.¹⁵

"Politikas" sākumā polisa definēta ļoti vispārēji kā "zināma kopība" (*κοινωνία τι*) vai kā "visaugstākā kopības jeb apvienības forma" (*κυριωτάτη κοινωνία*), nedaudz tālāk precizēts, ka polisa ir p o l i t i s k a kopība (*πολιτική κοινωνία*). Pamazām iztīrījuma gaitā atklājas, kā jāsaprot predikāts "kopība", resp. "politiska kopība".

Vispirms Aristotelis tuvāk raksturo polisu kā tādu kopību, kas veidojusies uz dabiskiem pamatiem: "Polisa pastāv no dabas". (*φύσει*)¹⁶. Šis Aristoteļa atzinums jāvērtē visciešākā sakarā ar iepriekšējo politiskās domas attīstību Grieķijā.

Jau pirms Aristoteļa bija izvirzīts un plaši diskutēts jautājums par parādībām, kas pastāv no dabas (*φύσει*) un parādībām, kas pastāv pēc likuma (*νόμῳ*). Apgalvojot, ka polisa pastāv no dabas, Aristotelis, tāpat, vēl nepasaka kaut ko pilnīgi jaunu un oriģinālu, bet ar tādu problēmas nostādni viņš parāda savu attieksmi pret šo dilemmu: Aris-

totelim nebija pieņemams sofistu subjektīvais individuālisms, kas sludināja valsts normu un likumu patvaļīgo raksturu.¹⁷ Aristotelis atzīst, ka valsts, resp. polisas pastāvēšana ir objektīvu dabas cēloņu nosacīta nevis atkarīga no subjektīvas patvaļas.¹⁸ "Politikā" Aristotelis apgalvo, ka cilvēks ir tāda būtne, kas jau no dabas tiecas uz kopību, turklāt politisku kopību, resp. polisū, un tikai polisā var īsti pilnveidīgi izpausties viņa cilvēciskā būtība:

"Polisā pieder pie dabas parādībām un cilvēks no dabas ir sabiedriska ("politiska" - πολιτικός) būtne; turpretim tāds, kas dzīvo ārpus polisas nevis nejaušības dēļ, bet no dabas nespējams dzīvot polisā, - tāds ir vai nu nekrietns, vai arī pārāks par cilvēku";

un nedaudz tālāk dots salīdzinājums: "vai nu zvērs vai dievs" (ἢ θῆρ ἢ θεός)¹⁹. Aristotelis saka, ka Homērs, kad viņš grib kādu raksturot kā ļoti nekrietnu, tad viņš to nosauc šādos vārdos: ἀφρήτωρ, ἀνέμωτος, ἀνέστιος - "bez dzimtas", "bez likumiem", "bez mājas pavarda"; Aristoteļa valodā tas ir ἀπολις - "bez polisas".²⁰

Pēc Aristoteļa domām, pat runāšanas un domāšanas spēja cilvēkam piemīt tādēļ, lai viņš varētu dzīvot polisā:

"Pārējo dzīvnieku daba savā attīstībā ir aizgājusi tik tālu, lai šie dzīvnieki spētu sajūst patīku vai nepatīku un ar skapām to izteiktu... Cilvēks atšķiras no pārējām dzīvām būtnēm ar to, ka viņam piemīt spēja domāt un runāt; tikai cilvēks vienīgais spēj atšķirt, kas ir labs, kas slikts, kas taisnīgs, kas netaisnīgs u.tml. Šādu būtnu apvienība spēj veidot polisū."²¹

Aristotelis uzsver, ka polisā ir augstākā kopības forma, kādā dabā ir sastopama, jo "cilvēks kā sabiedriskā būtne ir pārāks par biti un visiem citiem dzīvniekiem, kas dzīvo baros"²² (tāpat, arī veido zināmu kopību).

Polisā nav vienīgā cilvēku dzīvē sastopamā kopeksistences forma, tā ir augstākā, kas ietver sevī zemākās pakāpes. Aris-

totelis pārņem jau Platona pieminētās 3 pakāpes: mājas kopiena - ciems - polisa (*οἰκία*²³ - *κώμη* - *πόλις*). Šīs pakāpes atspoguļo polisas ģenēzi: polisa nav radusies uzreiz, tā veidojusies pakāpeniski no zemākās līdz visaugstākajai pakāpei. Mājas kopiena šajā pakāpju rindā ir vismazākā, no dabas pastāvošā, kopība, kas tālāk vairs nav dalāma:

"Pirmā no dabas nepieciešamā cilvēku apvienība ir tā, bez kuras viņi nemaz nevar pastāvēt. Ir nepieciešams, ka tie, kas viens bez otra nevar pastāvēt, dzīvo kopā, kā piem., sieviete un vīrietis pēcnācēju dēļ. Šī kopība neizriet no loģiskiem apsvērumiem, bet šāda tieksme tāpat kā dzīvniekiem un augiem ir dabiska, tās nolūks ir atstāt par pēcnācējiem sev līdzīgus."²⁴

Mājas kopiena Aristotelim ir savā ziņā polisas modelis (tāpat kā Platonam dvēsele). Tāpēc svarīgi ir izsekot visām tām attiecībām, kādas Aristotelis saskata mājas kopienā, lai labāk saprastu viņa polisas filozofiju.

Bez brīvajiem mājas kopienā jeb saimē ietilpst arī vergi. Arī šīs attiecības - starp brīvajiem un vergiem - Aristotelis uzskata par dabiskām, resp. par tādām, kuru mērķis ir labklājība²⁵:

"No dabas valdošais un no dabas pakļautais / apvienojas ģimenē / labklājības dēļ."²⁶

Protams, vergs nav mājas kopienas piltiesīgs loceklis, Aristotelis saka - "vergs ir sava ipašnieka daļa (*μέριον τοῦ δεσποῦ*), tāpat kā ķermenis nevar pastāvēt bez dvēseles, tāpat vergs bez ipašnieka" (I, 2, 1254a-b), resp. vergs nevar būt neatkarīgs, brīvs no sava ipašnieka. Šajā verdzības iekārtas apoloģētisma filozofijā vergs ne tikai nav piltiesīgs polisas loceklis, resp. pilsonis, vergs nav pat pilnvērtīgs cilvēks, viņš ir cita cilvēka, sava ipašnieka daļa. Aristoteļa "Politikā" loģiski sausa un neitrālā stilā ir pateikts tas, ko jau Homērs emocionālā dzejas valodā izteicis savā "Odisejā":

"Varenais zibepu metējs tam p u s i n o v ē r t i b a s
pēmis

Sākot ar dienu, kad verdzības jūgs to pārsteidzis
pēkšņi".²⁷

Runājot par ideālu polisu, Aristotelis saka, ka vergi un vispār visi tie, kas nodarbojas ar roku darbu (*χερῶτες*) polisai ir nepieciešami, bet viņi nav polisas daļa. Aristoteļa atzinums par vergu beztiesību kā mājas kopienā, tā polisā pilnīgi atbilst tā laika reālajai īstenībai, taču Aristoteļa nolūks ir pierādīt, ka šīs attiecības ir dabiskas. Kā mājas kopienā, tā polisā ir saskatāmas divējādas attiecības: no vienas puses, pašu brīvo locekļu starpā (vīrs - sieva, vecāki - bērni), no otras puses, starp brīvajiem un nebrīvajiem, resp. vergiem. Kā vienas, tā otras, pēc Aristoteļa politiskajiem uzskatiem ir nepieciešamas un dabiskas. Vēsturiski izveidojušās verdzības attiecības Aristotelis pārvērsē par dabiskām. Tie argumenti, kas tiek minēti, lai pierādītu, ka vergi, resp. barbari, no dabas radīti par vergiem (lielāka fiziskā izturība, spēks, cita ķermeņa un dvēseles uzbūve u.tml.²⁸) ir, patiešām, vairāk kā nepārliecinoši pat tam laikam. Jau pirms Aristoteļa bija izteikti pavisam citi uzskati par vergiem (tragēdijā, dažu sofistu uzskatos), Aristotelim tie bija zināmi²⁹, un tomēr viņš aizstāv verdzības dabiskos pamatus. Fiziskā un garīgā darba pretstats, kas antikajai pasaulei vispār raksturīgs, Aristoteļa politiskajā filozofijā jaušams sevišķi spilgti. Tātad, pēc Aristoteļa uzskatiem, polisa, nemaz nerunājot par mājas kopienā, ir nevis vēsturiski, bet dabiskas mērķtiecības ceļā izveidojusies cilvēku kopības forma. Ne tikai Aristotelim, bet vispār antikajā pasaulē, neraugoties uz atsevišķiem minējumiem, vēl nebija vēsturiskas izpratnes par vēstures parādībām.

Aristotelim ir priekšstats, kaut arī ne visai skaidrs, par to, ka polisai kā noteiktai cilvēku politiskai apvienībai, ir sava attīstība, t.i., ka polisa kā pilnīgi izveidojusies politiskās kopeksistences forma nav radusies uzreiz. Aristotelis saka, ka senākos laikos daudzas polisas pēc savas iekšējās struktūras atgādinājušas māju vai ciemu, pēdē-

jais veidojies mājai paplašinoties: tāpat kā mājas kopienā noteikšana ir vecākajam un stiprākajam, tāpat vissenākos laikos polisas priekšgalā bijis atsevišķs valdnieks.³⁰ Pamazām polisa pilnveidojusies, bet savu ideālo formu tai, pēc Aristoteļa domām, jāsasniedz tuvākajā laikā, kad dzīve tiks realizēts viņa ideālās polisas plāns. Aristotelim, protams, nebija vēsturisku ziņu ne par polisas pirmsākumiem, ne tās izveidošanās cēloņiem, tāpat kā galīgi sveša viņam ir doma par polisas vēsturisko nosacītību.

Polisas dabiskā genēze ir tikai viens aspekts polisas definīcijā. Polisas dziļākā būtība tiek raksturota ar jēdzienu "p o l i t i s k a kopība". Sekojot savai parastajai metodei, Aristotelis izdala no vesela (šajā gadījumā - polisas) vissīkāko daļiņu, kas tālāk vairs nav dalāma. No polisas dabiskās genēzes viedokļa tā bija mājas kopiena, no politiskās kopības viedokļa tas ir pilsonis.³¹ Pilsoņu savstarpējās sabiedriskās attiecības, resp. valsts iekārta, konstitūcija jeb, saglabājot sengrieķu vārdu, politija ir būtiska polisas pazīme. Ja mainās politija, arī polisa vairs nav tā pati. Šo domu Aristotelis paskaidro ar piemēru: vieni un tie paši aktieri var spēlēt tragēdijas un komēdijas kori, atšķirība būs kora dziesmas uzbūvē, tāpat arī vienas un tās pašas skaņas var veidot dažādas tonalitātes - dorisko un frigisko, viss atkarīgs no tā, kādās attiecībās skaņu rindā būs viena skaņa pret otru. Tāpat kā skaņu noteiktā attiecība veido noteiktu tonalitāti, tāpat pilsoņu savstarpējās attiecības veido politiju, resp. polisu.³²

Tātad, kad Aristotelis saka, ka polisa ir noteikta kopība, resp. politiska kopība, tad ar vārdu "kopība" jāsaprot nevis tikai kaut kāds noteikts d a u d z u m s, bet noteiktas a t t i e c i b a s polisas locekļu starpā, tās attiecības, kas, balstītas uz likuma spēku, veido polisas iekārtu uzbūvi, konstitūciju. Šo attiecību daudzveidība reālajās polisās, acīm redzot, atspoguļojās Aristoteļa sastādītajos 158 politiju aprakstos.

Runājot par ideālu polisu, Aristotelis kā nepieciešamu

priekšnoteikumu izvirza formai atbilstošu materiālo saturu:

"Tāpat kā nepieciešams, lai ikvienam amatniekam, piem., audējam vai kugu būvētājam butu atbilstošs materiāls - tāpēc ka, jo labāks būs izejmateriāls, jo labāks būs darba rezultāts - tāpat arī politiskam darbiniekam un likumdevējam rīcībā jābūt pēc iespējas labākam piemērotam materiālam."³³

Šis "piemērotais materiāls" ir ētiski pilnvērtīgi pilsoņi. Savā ideālajā polisā Aristotelis no pilsoņu skaita svīturo ne tikai vergus, bet arī visus tos, kas nodarbojas ar ražošanu, jo tie pēc Aristoteļa uzskatiem savā būtībā nav brīvi un viņu darbs nav saistīts ne ar ko cildenu, līdz ar to viņi nespēj sasniegt ētisku pilnvērtību. "Retorikā", kas sarakstīta vēl pirms "Politikas", teikts: "Brīvs ir tas, kas nestrādā algādža darbu... Brīvais nedzīvo citam."³⁴ Dzīve polisā nodrošina pilsoņiem pilnvērtīgu dzīvi, bet par pilnvērtīgu dzīvi Aristotelim ir savi uzskati: "Dzīve ir pašattīstība, dzīve nav ražošana."³⁵ (*ὁ δὲ βίος πολιτικὸς, οὐ νόμιστος ἐστίν*).

Raksturīgi, ka polisa, kas, pēc Aristoteļa uzskatiem, pastāv no dabas, savu ideālo formu nevar sasniegt pati no sevis "dabiskā" ceļā. Dabā valdošais teleologiskais princips, pēc kura daba tiecas uz vislabāko mērķi (*τὸ βέλτιστον*), faktiski ir nepilnīgs. "Fizikas" II grāmatā Aristotelis saka:

"Daba grib, bet ne vienmēr var sasniegt vislabāko mērķi... Cilvēku prasme (jeb māksla, zinātne - *τέχνη*) noved līdz galam to, ko daba nav spējusi paveikt."

Polisas galējais mērķis, ko tā tiecas sasniegt, ir tās pilsoņu laime, bet ne vienmēr polisa to var, reālā īstenība to pierāda ik uz soļa. Viens no galvenajiem Aristoteļa izvirzītajiem priekšnoteikumiem ir pilsoņu ētiskā pilnvērtība. Ētika un politika visā antīkajā filozofijā un jo sevišķi Platona un Aristoteļa politiskajā domā ir ļoti cieši saistītas, Aristoteļa traktāti "Nikomaha ētika" un "Politika" ir faktiski viens darbs divās daļās. Par to, kā sasnie-

dzama ētiskā pilnvērtība, ir izteikti dažādi uzskati dažādu filozofu darbos. Arī Aristoteļa uzskatos šajā jautājumā nav pilnīgas vienveidības, taču viens no svarīgākajiem faktoriem ir pilsoņu audzināšana likumu garā;

"Nebūs nekāda labuma pat no visderīgākajiem likumiem, kurus par lietderīgiem atzīs visi pilsoņi, ja pilsoņi nebūs audzināti šo likumu garā."³⁶

Pilsoņu audzināšana ir viens no galvenajiem valsts, resp. polisas uzdevumiem. Arī audzināšana ģimenē ir visas polisas lieta, jo ģimene kā daļa ietilpst polisā:

"Audzināšana jāpadara par kopīgu lietu, nevis tā kā tagad - katrs māca bērnus pēc sava prāta."³⁷

"Politikas" I grāmatas beigās teikts, ka jāaudzina kā bērni, tā sievas, jo bērni ir potenciāli pilsoņi un sievas - puse no brīvajiem. Kas tad ir šis audzināšanas galvenais saturs? Atbilde ir viens vārds - *ἀρετή* - "ētiskā jeb tikumiskā pilnvērtība". Aristoteļa ētikā un politikā šī *ἀρετή* nozīmē ne tikai zināšanas par labo un slikto, t.i., prasmi atšķirt, kas ir labs un kas ir slikts, bet arī spēju rīkoties pareizi un cildeni, izvairīties no zemiskā, nepareizā. Jēdzieni "labais", "cildenais", "skaistais" un "sliktais", "zemiskais", tāpat arī "taisnīgais" - "netaisnīgais" ir pamattermini antīkajā, resp. Aristoteļa ētikā, šo jēdzienu satūra atklāsmē ir jau cita problēma, kas tieši neattiecas uz šajā rakstā izvirzītajiem jautājumiem. Šeit jāatzīmē tikai tas, ka Aristotelis polisas likumiem piešķir ne tikai administratīvu nozīmi vien, sevišķi svarīga ir likumu ētiski audzinošā funkcija. "Politikas" II grāmatā Aristotelis saka:

"Ir lietderīgi visiem noteikt mērenu ipašumu, bet vairāk nepieciešami ir ierobežot tieksmes pēc ipašuma, un to var tikai ar likumu audzinošo spēku."³⁸

Jau tika atzīmēts, ka Aristotelis prasa ne tikai likumu zināšanu, bet pilsoņu aktīvu darbību saskaņā ar ētikas normām un likumiem. Šī prasība pēc pilsoņu aktīvas piedalīšanās valsts dzīvē izriet gan no tā laika polisas reālās prak-

ses, gan no Aristoteļa ētikas, resp. politikas pamatprincipiem: polisa ir pārāka, pilnīgāka par atsevišķo individu, polisas labums, salīdzinot ar atsevišķa individa labumu, ir kaut kas "skaistāks un dievišķāks".³⁹ Tāpat kā atsevišķa individa laime ir sasniedzama darbībā, tāpat polisas pilnība ir atkarīga no pilsoņu aktīvas darbošanās valsts labā.

Atgriežoties pie Aristoteļa dotās polisas definīcijas, jāpiebilst, ka jēdzienu "kopība" Aristotelis attiecina arī uz mazāk būtiskām polisas pazīmēm. Piemēram, Aristotelis norāda, ka polisa ir arī noteikta *v i e t a s* kopība, t.i., polisa aizņem vienu noteiktu teritoriju, taču tai pašā laikā viņš atzīmē, ka šī pazīme nav polisai būtiska: visu Peloponēsu varētu apjot ar mūri, un tomēr tā nebūtu viena polisa.⁴⁰

Beidzot jāpiebilst, ka Aristotelis kategoriski noraida Platona izvirzīto prasību pēc bērnu, sievu un ipašuma kopības. Tāds stāvoklis pēc Aristoteļa domām nemaz īstenībā nebūtu iespējams, jo tas iznīcinātu polisu, dzīve tādos apstākļos nemaz nebūtu iespējama.⁴¹ Redzams, ka Platons savas ideālās polisas projektos aiziet tālāk no tā laika reālās īstenības radītajām iespējām, ir radikālāks negatīvajā attieksmē pret pastāvošajām valsts formām, turpretī Aristotelis polisu spēj iedomāties tikai kā vergturu privātipašniecisku polisu, kur ipašuma tiesības privileģētajai šķīrai ir ne tikai ekonomiski politisks, bet arī ētisks valsts pastāvēšanas pamatnosacījums.

No teiktā izriet secinājums, ka Aristotelis uzskata polisu par vienīgo valsts formu, kādā cilvēks (= brīvais grieķis) var ne tikai sasniegt augstāko mērķi - laimi, bet būt patiesi cilvēks. Polisas vēsturiskā nosacītība Aristotelim ir gluži sveša.

Aristotelis nevarēja neredzēt polisas dziļo krīzi, tomēr polisa viņam ir un paliek vispilnīgākā un visaugstākā politiskās apvienības forma. Aristotelis, kam Atēnās nebija pilsoņu tiesību un kas nebija izaudzis Atēnu demokrātisko tradīciju iespaidā un naidīgi izturējās pret demokrātisku poli-

su vispār, nesaistīja savus ideālus ar Maķedonijas monarhistisko valsti, kuras valdnieka galmā viņš bija persona grata, bet gan ar tradicionālo grieķu polisas formu. Vai šādam uzskatam bija kāds reāls pamats? Uz šo jautājumu jāatbild apstiprinoši - Aristotelim bija zināms reāls pamats cerēt uz polisas atdzimšanu: tajā laikā, kad Aristotelis strādāja pie "Politikas", viņa kareivīgais skolnieks Maķedonijas Aleksandrs uzvarošas armijas priekšgalā iekaroja Mazāzijā vienu apgabalu pēc otra un Persijai atkarotajās teritorijās dibināja jaunas grieķu polisas. Lai gan Maķedonijas Aleksandra vārds "Politika" nav minēts, taču kopš padomju zinātnieka A. Dovatūra grāmatas "Политика и Политика Аристотеля" iznākšanas 1965.g. līdz tam neskaidrais jautājums par Aristoteļa politisko ideālu sakaru ar Maķedonijas Aleksandra iekarojumiem jāuzskata par atrisinātu: Aristotelis cerēja, ka Aleksandrs būs tas, kas izveidos dzīvē viņa izplānoto ideālo polisu; bez tam vairākas vietas "Politikas" tekstā norāda, ka Aristotelis savu ideālo polisu lokalizējis tieši Mazāzijas teritorijā.

Ir izteiktas dažādas domas par to, vai Maķedonijas Aleksandrs Persijā dibināja tieši grieķu tipa polisas vai kāda cita veida pilsētas, Aleksandra pilsētu dibinātāja darbība austrumos, tāpat arī jaundibināto pilsētu turpmākais liktenis ir īpašs jautājums⁴², taču neapšaubāmi Aristotelis ticēja, ka Aleksandrs nevis iznīcinās grieķu polisas, bet tās nostiprinās un radīs jaunas, kaut cik atbilstošas viņa politiskam ideālam. Tas vēlreiz pierāda, cik stabilas tradīcijas grieķu politiskajā domā bija polissai kā valsts formai.

1. Vispārēju ieskatu Aristoteļa politisko uzskatu sistēmā sniedz padomju zinātnieka S.Kečekjana "Учение Аристотеля о государстве и праве", М.-Л., 1947, kurā izvirzītas un isumā izklāstītas galvenās problēmas, kurām Aristotelis pievērsis uzmanību savos politiskajos darbos. Līdz šim nozīmīgākais darbs padomju zinātnē par Aristoteļa politiskajiem uzskatiem ir padomju zinātnieka A.Dovatūra grāmata "Политика и Политии Аристотеля", М.-Л., 1965, kur Aristoteļa uzskati parādīti uz sīkas konkrēto vēsturisko apstākļu izpētes fona, Aristoteļa teorētiskās atziņas cieši saistītas ar tai laikā pastāvošās politiskās situācijas analīzi. Šajā grāmatā galvenā vērība piegriezta Aristoteļa politisko uzskatu praktiskajai pusei.
2. Доватур А. "Политика и Политии Аристотеля", с.16.
3. Aristotelis Politica III, 3, 1265^a
4. Par Babilonas lielumu jau antīkajā pasaulē bija nostāsti. Arī Aristotelis atsaucas uz Herodota pieminēto nostāstu par to, ka pēc Babilonas ieņemšanas daļa iedzīvotāju to vēl nav zinājuši trešajā dienā (Herodotus, I, 191; latv. tulk. "Teiksmainā senatne", R., 1969., 72.lpp.).
5. Visbiežāk negrieķu valstiskos veidojumus Aristotelis apzīmē ar vārdu *ἔθνος* - "etniska apvienība", izņēmums ir Kartāga, ko Aristotelis sauc par polisū.
6. "Sabiedrīks" (*πολιτικός*) šeit jāsaprot nevis mūsdienu izpratnē, bet kā "tāds, kas pieder pie polisas" (*πολιτικός* ir tālāks atvasinājums no *πόλις* - "pilsēta"). Jēdziena "sabiedrība" antīkajā Grieķijā nebija.
7. Arist. Pol. V, 7, 1310^a.
8. Turpat, V, 7, 1310^a.
9. Platonis Leges 626 E.
10. Arist. Pol. V, 1310^a.

- 11 Arist. Pol. V, 6, 1307^b.
- 12 Xenophontis De vectigalibus. IV, 7.
- 13 Arist. Pol. I, 3, 1258^a
- 14 Плугарх "Сравнительные жизнеописания", II М., 1963, с. IIО.
- 15 Aristotelis pats uz to norāda paša darba sākumā: "Tāpat kā citas saliktas parādības nepieciešams sadalīt līdz tālāk vairs nedalāmām vienībām, vismazākajām daļiņām, tāpat politu vislabāk izpētīt, aplūkojot to pa atsevišķām sastāvdaļām." (Pol. I, 1, 1252^a).
- 16 Arist. Pol. I, 1, 1252^b.
- 17 Arist. Pol. I, 1, 1252^b.
- 18 Skat. Platonis Gorgias 483a - 484 c; De republica I 343a - 344c.
- 19 Arist. Pol. I, 1, 1253^a.
- 20 Turpat, I, 2, 1253^a.
- 21 Turpat, I, 1, 1253^a.
- 22 Turpat, I, 1, 1253^b.
- 23 Grieķu vārds οἶκος nozīmē "māja", "mājas saimniecība", "saime", arī "ģimene". Aristotelis šo vārdu lieto ar nozīmi "saime" jeb "mājas kopiena". Romiešiem atbilstošs jēdziens ir familia - "saime".
- 24 Arist. Pol. I, 1, 1252^b.
- 25 Aristotelis uzskata, ka katra dabā pastāvošā kopība vai apvienība ir izveidojusies kāda noteikta laba mērķa dēļ. "Visi tiecas uz labo" - ir viens no Aristoteļa teleoloģijas principiem.
- 26 Arist. Pol. I, 1, 1252^a.
- 27 Homērs. "Odiseja", XVII, 322.- 323.
- 28 Arist. Pol. I, 2, 1254^b.
- 29 Turpat, I, 2, 1253^b: "Daži uzskata, ka vergi un brīvie pastāv tikai pēc likuma (νόμος) un nevis no dabas (φύσις)."
- 30 Turpat, I, 1, 1252^a.
- 31 Grieķu vārds "pilsonis" - πολίτης burtiskajā tulkojumā arī nozīmē "polisas daļa", "tāds, kas pieder pie pilisas".

- 32 Arist. Pol. III, 1, 1276^b.
- 33 Arist. Pol. VII, 4, 1325^b - 1326^a.
- 34 Aristotelis De arte rhetorica I, 9.
- 35 Arist. Pol. I, 2, 1254^a.
- 36 Arist. Pol. VIII, 1, 1336^b.
- 37 Turpat.
- 38 Arist. Pol. II, 4, 1266^b.
- 39 Aristotelis Ethica Nicomachea I, 2, 1094^b.
- 40 Arist. Pol. III, 1, 1276^b.
- 41 Arist. Pol. II, 1 - 4.
- 42 Skat. Г. Кошеленко. "Восстания греков в Бактрии и Согдиане 323 г. до н.э." - "Вестник древней истории", 1972, № I, с. 59 - 78. Turpat minsta arī speciālā literatūra par šo jautājumu.

А.Ролова

К ВОПРОСУ О КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ ВО ФЛОРЕНЦИИ
(вторая половина XVI - начало XVII в.)

До сих пор борьба народных масс Италии второй половины XVI в. и начала XVII в. редко привлекала внимание историков. Еще сегодня актуально звучат слова, сказанные Фернаном Броделем более четверти века тому назад, что о классовой борьбе в Италии того времени мало что известно¹.

Между тем во второй половине XVI в. и в начале XVII в. имели место восстания в Неаполе и Генуе, Урбино и Мантуе, на Корсике и во многих других местах. Многочисленные народные волнения и столкновения вспыхивали постоянно то в одной, то в другой части полуострова. Наконец, как раз в это время в итальянской деревне расцвел пышным цветом так называемый "бандитизм", которого Бродель справедливо назвал "подвижной, жестокой и повседневной войной", "скрытой жакерей"².

Совершенно неисследован вопрос о борьбе народных масс Флоренции, прошлое которой столь богато острыми классовыми схватками.

В 1561 г. венецианский посол Федели писал, что "флорентийцы живут в мире и в спокойствии, не слышно больше ни о каких беспорядках и волнениях"³. О герцоге Козимо как о правителе, который принес мир и спокойствие городу, говорили историк Нерли, эрудит Даванцати, английский путешественник Вильям Томас и другие современники⁴. Подобное же мнение впоследствии неоднократно высказывалось и встречается также поныне⁵. Оно недавно отчетливо сформулировано Раулем Манселли, писавшем, что поражение Савонаролы "означало конец эры народных движений во Флоренции"⁶.

Так ли это было в действительности?

Мы попытаемся дать ответ на этот вопрос на основании сведений, сохранившихся в хрониках и дневниках, правительственных указах, цеховых документах и других источниках. Речь пойдет о той борьбе, которую вели мелкие, зачастую зависимые

ремесленники, рабочие, подмастерья, ученики, безработные, словом, та часть населения, которую можно назвать плебеями. Их социальное и экономическое положение, формы их эксплуатации, т.е. все то, что является объективной предпосылкой классовой борьбы, уже раньше было предметом нашего исследования и поэтому не будет рассмотрено здесь⁷. Тяжелая эксплуатация и несправедливость, финансовый гнет, полуголодное, нищенское существование вызвали закономерную реакцию трудящихся. Стремление тем или иным способом улучшить свое материальное положение переплетается с более или менее осознанными попытками бороться против эксплуататоров и угнетателей.

Одной из наиболее распространенных форм борьбы за существование был незаконный уход с работы и бегство за пределы Флоренции и Тосканского великого герцогства. Об этом сообщают пленный французский военачальник Фуркево, флорентийский купец и хронист Риччи, иностранные послы⁸. Цех Лана жаловался на то, что ткачи, получив от шерстяников задаток, отправляются восвояси⁹. Все уставы ведущих цехов говорят об обремененных долгами рабочих, которые убегают от своих мастеров¹⁰. Подобные действия были прямым ударом по интересам хозяев, особенно если речь шла о квалифицированных специалистах¹¹. Поэтому правительство и цех Пор Санта Мария неоднократно повторяли запреты мастерам шелковой промышленности покидать пределы государства, а устав цеха от 1580 г. значительно повысил штрафы для учеников и рабочих, ушедших от своих мастеров до истечения срока договора или до завершения ими начатой работы¹².

Ни категорические запреты, ни также высокие штрафы не удерживали рабочих и зависимых мастеров. Бегство принимало особенно широкие размеры в периоды наибольших экономических трудностей. В 1568 г. Риччи отмечает, что все соседние государства полны беглецами из Тосканского великого герцогства¹³.

Эмиграция рабочих и мастеров была обычным явлением в Италии того времени. По словам М. Беренго, в Лукке частое бегство было единственным свидетельством протеста учеников

против корпоративного режима. По мнению Фанфани, эмиграция является настолько характерной для Италии, насколько бродяжничество характерно для других стран¹⁴. Это, конечно, не значит, будто Италия не знала бродяг. Сравнительно большое значение эмиграции может быть объяснено наличием многочисленных промышленных центров и самостоятельных государств, где рабочие могли надеяться найти работу. Но причины и классовый характер эмиграции и бродяжничества тождественны.

Другой формой борьбы за существование, наносившей не меньше вреда предпринимателям, были разного рода хищения, кражи, обман. Постановления всех флорентийских цехов содержат многочисленные жалобы на подобные действия¹⁵. В 1562 г. цех Пор Санта Мария принимал меры, чтобы "препятствовать тяжелому вреду, вызываемому часто открытым мошенничеством, кражей, подлогами, хищениями, продажей и другими видами дурного обращения с шелком, что практикуется мастерами во вред хозяевам, их господам..."¹⁶. Большая часть раздела о мастерах и рабочих статута 1580 г. посвящена вопросу о хищениях¹⁷. В борьбу с этим злом энергично включилось и правительство¹⁸.

На работников промышленности с давних пор смотрели как на потенциальных воров и обманщиков. Анонимный феррарский автор трактата о шерсти XV века называет их "злонамеренными людьми", "поколением вреднейшего характера". Они врут, плохо работают, крадут, где только могут, думают лишь об обмане и о том, чтобы причинить вред шерстяникам¹⁹. Под этими словами могли бы подписаться купцы-предприниматели Флоренции XVI века. Сравнение цеховых документов XVI в. с соответствующими документами XIV-XV вв. говорит о том, что никогда прежде хищения не были столь распространены. Судя по частым увеличениям штрафов, они принимали все возрастающие размеры²⁰.

Когда к нищете и голоду добавлялась безработица, как например в 1570-х и 80-х гг., преступность резко увеличивалась. Богатый купец Риччи, скромный портной Ардити и другие современники с одинаковым ужасом рассказывают о непрекращающихся убийствах, грабежах и нападениях. По ночам было

просто страшно ходить по улицам²¹. Ардити называет Флоренцию городом убийц, Вавилоном и отмечает, что "крик разнесся по всей Италии и по всем другим городам, что Флоренция превратилась в притон и скопище убийц²². Учащались в это время и кражи в церквях, лавках, огородах и виноградниках. "Каждый день слышно о кражах и убийствах, об ограблениях боттег, жульничестве, обмане, и других подобных действиях", писал Ардити в 1578 г.²³, а через 2 года Риччи был вынужден констатировать, что количество убийств и всяких бесчинств увеличилось²⁴. Если в течение 15 месяцев, последовавших за смертью великого герцога Козимо, было ранено и убито 186 человек, то в течение одного лишь февраля месяца 1581 г. - более 60 человек²⁵. Так оно продолжалось и в следующие годы²⁶.

Несомненно, росту преступности способствовали плохая администрация, коррупция, отсутствие борьбы с нарушителями порядка и законов, на что постоянно указывают современники²⁷. Но не в этом суть дела. Причиной того, что по ночам срывали одежду и отнимали деньги у прохожих был, по словам Ардити, "такой страшный недостаток денег, что не было слышно ничего, кроме воплей всего населения"²⁸

Были среди преступников и лица знатного происхождения, слуги и военные, но, как подчеркивается в источниках, преобладали бедные шерстобиты, отчаявшиеся красильщики, всякий народ, который не имел чем питаться и одеваться²⁹. Это была стихийная борьба за существование, принимавшая объективный характер отрицания господствующих порядков, законов, морали. Но не исключено, что в этом кроется и инстинктивное, иногда, возможно, и вполне осознанное стремление к социальной справедливости.

Во Флоренции того времени утопические идеи всеобщего равенства были хорошо известны. Здесь жил и начал публиковать свои утопические произведения Антонио Франческо Дони, который неоднократно выступал против частной собственности, обличал богачей, живущих трудами бедных, говорил, что все обязаны зарабатывать хлеб своим трудом, считал обман и убийство средствами борьбы с имущественным неравенством³⁰.

Здесь же вышли в свет "Цирцея" и "Капризы бочаря" флорентийского чулочника, философа и писателя Джан Батисты Джелли, содержащие немало аналогичных мыслей. Не подлежит сомнению, что подобные идеи не случайно появились в сочинениях этих писателей, что их питающей почвой были соответствующие настроения широких народных масс. Известный убийца и грабитель Сарселли перед казнью говорил: "Грабить это хороший способ возвращать себе часть нашего имущества, так как все принадлежит всем"³¹. В августе 1586 г., возвращаясь из боттег, некоторые ремесленники выразили радость по поводу смерти одной знатной дамы, заявив, что надо, чтобы эти знатные сгнули, тогда зерно станет дешевле³².

Реакция флорентийских трудящихся на экономический и социальный гнет отнюдь не ограничивалась вышеизложенным. Косвенным свидетельством является постоянная боязнь народных движений, которая звучит в сочинениях и высказываниях современников. Опыт восстания чомпы не был забыт. Слово "чомпи" было как бы символом опасности, которая может грозить Флоренции со стороны народных масс. Народ похож на хищного зверя, писал Лионардо Сальвиати, не потому, что он многоголовый, а потому, что он безголовый; он может легко подчиниться любому руководителю. Народ действует, как собака: он всегда бросается в направлении шума и, друг ли это или враг, бежит за тем, кто бежит³³. Аналогичные мысли встречаются в политических сочинениях того времени (Аммирато, Кавриана), а также в высказываниях политических деятелей, в словах и действиях самих герцогов³⁴.

Вряд ли можно считать случайностью то упорство, с которым власти боролись против незаконного ношения оружия, особенно при большом стечении народа. Во всех соответствующих указах сквозит боязнь, чтобы оружие не применялось там и тогда, где и когда народные массы могли бы им воспользоваться³⁵. Основанием для издания подобных указов служили упоминания о скандалах, потасовках, конфликтах и вооруженных столкновениях³⁶.

Неспокойно было в 1530-х гг., особенно сразу после

восшествия на престол герцога Козимо. По ночам происходили шумные беспорядки, всякого рода эксцессы, убийства, имели место недозволенные собрания народа. Власти принимали драконовские меры для наведения порядка³⁷. Они опасались не только политических, но и классовых врагов. "Поскольку голод по всей Тоскане сильно увеличился, а во Флоренции дело дошло даже до того, что не было пшеницы для продажи на рынке, возникла опасность народных волнений (popolar tumulto)...", писал биограф герцога Козимо - Джанбатиста Чини по поводу 1540 года³⁸. Незадолго до этого повторения восстания чомпи опасался и Франческо Гвиччардини³⁹.

Судя по герцогскому указу, во время Сиенской войны во Флоренции происходили частые столкновения, беспорядки, восстания⁴⁰. Затем наступил период относительного спокойствия. Но в 1570-х и 80-х гг. народные массы стали вновь активно выступать. О той подспудно постоянно тлеющей ненависти к богачам, которая легко могла вырваться наружу и вылиться в серьезную социальную борьбу, свидетельствует деятельность так называемых *potenze*. Речь идет о компаниях мелкого народа, возникших в XIV в., которые в праздничные дни организовывали развлечения. Переодетые и вооруженные палками и камнями, компании сражались между собой⁴¹. Большими толпами они обходили лавки и мастерские, требуя чаевых. Нередко это кончалось разгромом лавок. Так, в 1555 г., когда стало известно о капитуляции Сиены, плебеи грабили боттеги, разрушали крыши, разламывали окна, наносили вред имущим горожанам и, как говорится в одном дневнике, оскорбляли их как словами, так и действиями⁴². В 1575 г., когда в герцогской семье родился ребенок и прошел слух, что это мальчик, по всему городу хозяева заволновались и начали закрывать свои боттеги, опасаясь бесчинств плебеев⁴³. Эти опасения не были напрасными.

20 мая 1577 г. действительно родился наследник престола и "весь плебе поднялся на ноги"⁴⁴. Шерстобиты, заняв площадь Синьории, начали строить укрепления из тиков шерсти и камней и вооружаться вилами и палками. Были разгромлены

овощные и фруктовые ларьки на Старом Рынке, разобраны дощатые крыши и стенки, подожен столб, у которого обычно происходило публичное бичевание. Шумные и беспорядочные толпы народа отправились к городской тюрьме, чтобы разгромить ее и силой освободить заключенных. Но они были отбиты. Боясь худшего, власти велели усилить охрану дворца и тюрьмы: никому не разрешалось приближаться к этим зданиям и задерживаться возле них. В ткачей, подошедших со знаменами и барабанами ближе дозволенного к крепости, стреляли, убив при этом одного мальчика и ранив другого⁴⁵. Вскоре все *potenze*, т.е. красильщики, ткачи, шерстобиты, собрались на площади, выстроились и, вооружившись заранее приготовленным деревянным оружием, под звуки барабанов и с флагами начали обходить город в надежде на подарки. Большой вред был вновь нанесен боттегам города. Так плебеи "развлекались" еще несколько недель⁴⁶.

В условиях чрезвычайных экономических трудностей "забавы" *potenze* приняли такие размеры и формы, что власти сочли целесообразным запретить компаниям впредь наносить вред боттегам и вызывать беспорядки⁴⁷.

То, что в эти годы великий герцог Франческо передвигался по городу не иначе, как в сопровождении хорошо вооруженной гвардии⁴⁸, нельзя не ставить в связь со столь напряженной обстановкой, тем более, что народные массы действовали и в гораздо более целенаправленной форме.

Когда в субботу 21 сентября 1576 г. банки Флоренции отказались выплатить наличные деньги, мастера, не получившие из-за этого заработной платы, шумно выразили свое недовольство. В связи с этим, пишет Ардити, герцог отправился из Флоренции в свою загородную резиденцию⁴⁹. Видимо, обстановка была настолько напряженной, что власти боялись худшего. Хотя никаких действий не последовало, всеобщее недовольство сохранилось еще в течение ряда месяцев, и "в городе были слышны одни только жалобы"⁵⁰.

В ответ на решение цеха Пор Санта Мария от 1580 г. впредь облагать побором рабочих, которые до того ничего не

платили цеху, последовали повсеместные волнения и беспорядки (*tumulti e scandali universalmente nascevano*). Ввиду этого не удалось реализовать это решение, и вскоре цех был вынужден отменить его⁵¹. 1 ноября 1585 г. все банщики Флоренции объявили забастовку: закрыли бани из-за нового налога, которым правительство их обложило. Два с половиной месяца они продержались, но не добились ничего и 17 января 1586 г. были вынуждены открыть бани, согласившись на уплату налога⁵³. В мае 1586 г. 18-20 шерстоткачей жаловались герцогу на незаконные действия шерстяников. В результате этого был издан указ о том, чтобы впредь заработная плата выдавалась им через цех. Реакция шерстяников свидетельствует о том, насколько их задело подобное самоуправство ткачей: они приняли решение не давать работы мятежникам и принудили других ткачей обрать подписи под заявлением об отмене указа⁵⁴. Вскоре и шелкоткачи решили добиться повышения заработной платы. Были у них и другие требования. К сожалению, хронист о них подробнее не говорит⁵⁴.

Эти немногочисленные примеры достаточно красноречиво говорят о том, что трудящиеся массы нередко вели активную борьбу за свои экономические интересы. Поэтому не приходится удивляться, что в октябре 1587 г., когда умер герцог Франческо, его брат и преемник "боялся, чтобы в городе не произошло народного восстания". Венецианский посол рассказывающий об этом, добавляет: "И было чего бояться"⁵⁵. Приняли срочные меры по охране дворца, ворот и дорог, во Флоренцию стянули войска⁵⁶. Дополнительным подтверждением обоснованности этих опасений может послужить следующее. В мае 1588 г. ткачи шерстяной и шелковой промышленности, чистильщики, ворсовательщики, шерстобиты, а также красильщики-рабочие, сапожники, портные и другие приняли путем голосования решение в будущем не посещать трактиры⁵⁷.

Фанфани считает эти решения просто смешными⁵⁸. Нам, однако, представляется, что это вовсе не так. Сам факт, что все упомянутые категории мастеров, рабочих и ремесленников одновременно отказались от посещения трактиров, заставляет

сомневаться в добровольном характере этих решений, а священник Лапини недвусмысленно отмечает, что таково было желание духовенства и нового герцога. Он добавляет от себя, что следовало бы вообще закрыть все трактиры⁵⁹.

Можно, конечно, допустить, что тут сыграли роль чисто благочестивые побуждения герцога и духовенства. Анонимный автор хроники города Флоренции рассказывает, что в праздничные дни народ собирался в трактирах вместо того, чтобы пойти на богослужение, и занимался там не только игрой в карты и кости, но и презрительно отзывался о священниках, как о шутах и шарлатанах⁶⁰. В действительности причина в другом. Поскольку издавна цехи и государственные власти, боясь заговоров против хозяев, запрещали всякие сборища наемных рабочих, а их союзы взаимопомощи и религиозные братства были поставлены под строгий контроль цехов⁶¹, трактиры становились местом, где рабочие могли обсуждать самые сокровенные вопросы. По словам Варки, только мастера и низкий люд, живший трудом своих рук, посещали трактиры⁶². Здесь в 1508 г. рабочие-стригальщики, нарушая устав своего братства, создали заговор против цеха, решили требовать повышения заработной платы и отказаться от работы⁶³. В 1586 г. в трактире были приняты упомянутые требования шелкоткачей об увеличении заработной платы.

Учитывая вышеохарактеризованную обстановку 1580-х гг., можно предположить, что трактиры были тогда не только центрами распространения опасных для властей настроений, но и центрами подготовки более решительных действий. Следовательно, "решения" не посещать трактиры являются ничем иным как средством в корне пресечь опасность заговоров со стороны мастеров и рабочих⁶⁴. Они входили составной частью в целый комплекс мероприятий, проведенных Фердинандом по приходу к власти для умиротворения народных масс (отмена некоторых новых налогов, введенных его предшественником, отставка наиболее ненавистных должностных лиц и др.)⁶⁵. То, что в реформах уставов цехов Пор Санта Мария (1588 г.) и Лана (1589 г.) взаимоотношения хозяев и зависимых от них мастеров и рабочих затрагивались больше всего, надо оставить в непо-

средотвенную связь с этой политикой.

Она, видимо, возымела действие, ибо в 90-х гг., когда голод был особенно тяжелым, судя по нашим данным, в городе было спокойно. Принц Людвиг Ангальтский, посетивший Флоренцию в 1598 г., отметил, что в городе безопасно и можно смело ходить без оружия⁶⁶. Обращает на себя внимание лишь один указ, изданный в связи с участвовавшими нападениями на лиц, служивших в правительственном аппарате⁶⁷. Однако неизвестно, с какими конкретными событиями это связано.

Социальные противоречия вновь обострились в начале 1620-х гг. Шелкоткачи, оставшиеся без работы, вызвали беспорядки (*fanno strepito*) в городе. Это так напугало властей, что они сочли нужным при помощи крупного займа шелковщикам способствовать расширению производства⁶⁸. Хотя и по поводу этих выступлений у нас нет более подробных сведений, сам факт столь радикального вмешательства правительства, направленного в защиту интересов предпринимателей, говорит о крупном размахе народной борьбы. Это подтверждается почти одновременным принятием закона против нищих на том основании, что среди народа имели место бесконечные беспорядки, волнения и раздоры⁶⁹.

О каких-либо социальных конфликтах в последующие годы сведений нет, но беспорядков опасались по-прежнему⁷⁰.

Из всего сказанного можно заключить, что трудящиеся массы Флоренции отнюдь не безропотно терпели лишения и гнет эксплуатации. Они всякий раз чутко реагировали на ухудшение условий своего существования. Народное недовольство выражалось преимущественно в форме шумных выступлений, протестов, угроз и лишь изредка оно принимало более целенаправленный характер. Даже если допустить, что имеющиеся в нашем распоряжении сведения неполные, ясно одно: разрозненные и стихийные вспышки народного сопротивления никогда не выходили за рамки экономической борьбы и большей частью выражались в виде робких попыток, которые никогда не приводили к более серьезным классовым конфликтам.

Хотя в городе никогда не было спокойно, и угроза более радикальных действий была постоянно действовавшим фактором,

именно отсутствие народных восстаний, вроде тех, которые имели место в других городах Италии в ответ на растущие экономические затруднения или на финансовые, или иные мероприятия властей, требует объяснений.

Нам представляется, что здесь сыграл большую или меньшую роль целый комплекс разных взаимодействовавших факторов. Вряд ли приходится отрицать значения полицейского террора при герцоге Козимо, из-за которого каждый следил за каждым и боялся каждого⁷¹.

Бездействие буржуазии, а также отказ патрициев от политической борьбы означали отсутствие той бурной повоеднейной общественно-политической жизни, которая была столь характерна для Флоренции прежних времен и которая могла бы дать плебеям повод или стимул для активных выступлений. Не было движений, в которых плебеи могли бы участвовать и быть используемыми хотя бы ради чуждых им целей.

Несомненно, плебеи того времени были лишены классового самосознания, из-за чего они не были в состоянии проводить самостоятельной, организованной борьбы с определенной конкретной программой. На это обстоятельство недавно обратил внимание Манселли, говоря о плебейх всей Италии. На этом основании он отрицает всякую самостоятельную активность трудящихся⁷². Однако это в большей или меньшей мере было свойственно плебейм всех стран на данной стадии развития, что, однако, не помешало им вести упорную классовую борьбу.

Решающим фактором, предупредившим самые острые формы проявления классовой борьбы, была на наш взгляд, герцогская политика в отношении народных масс. Она отличалась, как было нами показано в другой связи⁷³, ярко выраженными чертами демагогии, целью которой было добиться расположения масс и завоевать их любовь, а также рядом практических действий, который должны были оказать поддержку народу, но которые обычно оставались пустым звуком. Особенно большое значение имела благотворительная деятельность, осуществленная в централизованном порядке. Никакой эффективной помощи это не давало бедному народу, но зато в значительной степени

способствовало обеспечению мира и спокойствия во Флоренции и предупреждению опасных выступлений народных масс. Не случайно наиболее активные действия трудящихся относятся к 1570-м и 80-м годам, когда не только ухудшились экономические условия их существования - а это фактор, всегда способствующий обострению социальных противоречий - , но и политика властей выходила за рамки обычных норм.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- 1 Braudel F. *La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II*. Paris, 1949, p. 644.
- 2 Ibid., p. 650, 657. Кроме упомянутой работы Броделя, о классовой борьбе того времени говорится также в следующих трудах: Frede C. de. *Rivolte antifeudali nel mezzogiorno d'Italia durante il Cinquecento*. - "Studi in onore di A. Fanfani", vol. V, Milano, 1962; Villari R. *La rivolta antispannola a Napoli. Le origini (1585-1647)*. Bari, 1967; Mendella M. *Il moto napoletano del 1858 e il delitto Storace*. Napoli, 1968. Довольно поверхностный и по ряду положений спорный характер носят общие замечания о классовой борьбе в трудах А. Фанфани и П. С. Лейхта (Fanfani A. *Storia del lavoro in Italia dalla fine del secolo XV agli inizi del XVIII*. 2^a ed., Milano, 1959, p. 463-468; Leicht P. S. *Operai, artigiani, agricoltori in Italia dal secolo VI al XVI*. Milano, 1946, p. 200-212).
- 3 Albèri E. *Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato*. Ser. II, vol. I, Firenze, 1839, p. 329.
- 4 Thomas W. *The History of Italy (1549)*. Ed. by G. B. Parks. Ithaca, N. Y., 1963, p. 105; Berner S. *Florentine Political Thought in the Late Cinquecento*. - "Il pensiero politico", 1970, No 2, p. 185, 187.

- 5 Peri G.D. *Il Negotiante*. P.II, Venetia, 1649, p.119; Renard G. *Histoire du travail à Florence*. Vol.II, Paris, 1914, p.396; Conti G. *Firenze dai Medici ai Lorena*. Firenze, 1909, p.154. Беренго М. Рецензия на книгу D'Addarfo A. *Il problema senese nella storia italiana della prima metà del Cinquecento (La guerra di Siena)*. Firenze, 1958. - "Riv.stor.ital.", 1962, fasc.1, p.172; Cochrane E. *The End of the Renaissance in Florence*. - "Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance", t.27, 1965, No 1, p.13-14.
- 6 У конференция советских и итальянских историков. Доклад проф. Рауля Манселли. М., 1972, с.25. Лишь С.Бернер недавно писал о значительной социальной и политической напряженности (Bernier S. *Florentine Political Thought...*, p.184-185).
- 7 Ролова А.Д. Экономический строй Флоренции во второй половине XV и в XVI веке. - Сб. "Средние века", вып. УШ, М., 1956, с.225-226; она же. Структура промышленности Флоренции второй половины XVI - начала XVII в. - "Учен. зап. Латв. гос. унив. им. П.Стучки", 1965, т.61; она же. Экономическое положение трудящихся масс Флоренции во второй половине XVI в. и в начале XVII в. Рига, 1974.
- 8 Fourquevaux R. de. *Information au Roy... touchant les affaires de Florence... 1555*. Aix-en-Provence, 1965, p.68; Ricci G. de. *Cronaca (1532-1606)*. A cura di G. Saporì. Milano-Napoli, 1972, p.324, 471; Rodolico N. *Saggi di storia medievale e moderna*. Firenze, 1963, p.342.
- 9 Cantini L. *Legislazioni toscana*. Firenze 1800-1808, vol.IV, p.138-139 (Дальше : Cantini).
- 10 Ibid., vol.IX, p.80-81; vol.X, p.111; vol.XI, p.88-89; *Bandi e leggi antiche* - Библиотека ЛОИИ СССР, к 7566, vol.XVI, p.322.
- 11 ... la qual cosa partorisce grande incomodo, e danno all'universale de Mercanti Fiorentini... (Cantini, vol. VIII, p.225).
- 12 Ibid., vol.I, p.272-273; vol.VIII, p.225-226; vol.X, p.110, 112-113; Renard G. *Histoire du travail...* vol.II, p.419.

- 13 Ricci G.de', Gronaca, p.471.
- 14 Berengo M. Nobili e mercanti nella Lucca del Cinquecento. Torino, 1965; Fanfani A. Storia economica. P.1 Antichità. Medioevo. Età moderna. Torino, 1965, p.648; Срв. также Caizzi B. Le classi sociali nella vita Milanese. In: Storia di Milano, vol. XI, Il declino spagnolo (1630-1706). Milano, 1958, p.368; Jacopetti N.J. Indagini sul prelievo della ricchezza privata in Cremona durante la dominazione spagnola. In: Troisième Conférence internationale d'histoire économique, Munich, 1965 (Travaux). Paris, 1968, p.713.
- 15 Cantini, vol. IX, p.80-81, 102-104, 114 (A.d.Linaioi); vol. XI, p.88-89, 92-93 (A.d.Quoiai e Vaiai); vol. I, p.290-291; 366-367; vol. II, p.163-164; vol. IV, p.138-139, 385, 388-389; vol. VI, p.299; vol. XIII, p.305, 307; vol. XIV, p.128 (A.d.Lana); vol. IV, p.138-139, 354-355, 359; vol. X, p.111-112, 116; vol. XII, p.275-276; vol. XIV, p.295 (A.d.Por Santa Maria).
- 16 Ibid., vol. IV, p.354. В этом же духе говорится в реформе устава 1588, а также в решениях других цехов (Ibid., vol. XII, p.275; vol. IV, p.354, 359-360 etc.).
- 17 Ibid., vol. X, p.109-114.
- 18 Ibid., vol. IV, p.337-338; vol. VII, p.77-78; vol. VIII, p.94-95; Bandi e decreti fiorentini - Библиотека ЛОМИ СССР, к 8702, vol. XIII, f.175-176.
- 19 Rebora G. Materia prima e costi di trasformazione: nel promemoria di un lanaiolo veneto della fine del Quattrocento. - "Riv. stor. ital.", 1971, fasc. 1, p.152, 153.
В таком же духе характеризует строительных рабочих Флоренции XV в. А.А.Филарете в своем "Трактате о строительном искусстве". (Туковский М.А. К вопросу о положении народных масс в Италии XV века - В сб.: "Итальянское Возрождение", Л., 1966, с.15-17).
- 20 За незаконное отчуждение шелка и шелковых изделий цех Пор Santa Мария увеличил в 1580 г. штраф с 25 лир до 25 скуди, а в 1588 г. до 50 скуди и 2 ударов кнутом (Cantini, vol. IV, p.358-359; vol. X, p.113, 116; vol. XII,

p.275): Наказания для золотобитов, пытавшихся работать самостоятельно, сохранились без изменений с 1476 по 1576 гг., но затем были увеличены дважды в 1576 и 1580 гг. (Ibid., vol. III, p. 260-262; vol. VIII, p. 275-276; vol. X, p. 101). В 1580 г. цехом Пор Санта Мария была впервые введена смертная казнь за хищения и подобного рода правонарушения (Ibid., vol. X, p. 30-31).

- 21 Arditi B. *Diario di Firenze e di altre parti della cristianità (1574-1579)*. A cura di R. Cantagalli. Firenze, 1970, p. 57-58, 73, 77, 79, 83, 93, 103-104, 119, 185, 188; Ricci G. de'. *Cronaca*, p. 76, 120, 137, 139, 140, 189, 249, 250, 459, 472; *Cronica della città di Firenze dall'anno 1548 al 1652*. In "Storie dei municipi italiani illustrate con documenti inediti da C. Morbio. Milano, 1838, vol. IV, p. 40-42.
- 22 Arditi B. *Diario...*, p. 57, 83, 93. См. также Ricci G. de'. *Cronaca*, p. 156.
- 23 Arditi B. *Diario...*, p. 185.
- 24 Ricci G. de'. *Cronaca...*, p. 295.
- 25 Arditi B. *Diario...*, p. 57; Ricci G. de'. *Cronaca*, p. 356.
- 26 Ricci G. de'. *Cronaca*, p. 413-414, 421-422 etc.
- 27 Ibid., p. 479-509 etc.; Arditi B. *Diario...*, p. 134, 143; *Cronica della città...*, p. 40 etc.
- 28 Arditi B. *Diario...*, p. 188.
- 29 Ibid., p. 73, 179; Ricci G. de'. *Cronaca*, p. 139; Cantini, vol. X, p. 286-287.
- 30 Grendler P. *Critics of the Italian World 1530-1560*. Madison, Milwaukee, London, 1969, p. 87 etc.; Чиколини Л.С. *Социальная утопия Антонио Франческо Дони. - Сб. "Средние века"*, вып. ХУП, М., 1960.
- 31 Rondoni G. I "giustiziati" a Firenze (dal sec. XV al sec. XVIII) - "Arch. stor. ital.", ser. V, t. 28, 1901, p. 232.
- 32 "hor così a questo modo giù et de' buoni, che se la seguita il grano tornerà a valere qui come a Roma tre giulii lo staio. Di questi grossi bisogna che vadia sotto à volere che rinvilii". Ricci G. de'. *Cronaca*, p. 475).

- 33 Цит. по Berner S. Florentine Political Thought..., p.195.
- 34 Cantini, p.194-195; N.Rodolico. Saggi..., p.387, 389. Боязнь народных беспорядков заставила герцога Франческо выступить против деятельности инквизиторов в Сиене (Marchetti V. Ultime fasi della repressione dell'eresia a Siena nel tardo Cinquecento.- "Rass. d.Arch. di Stato", 1970, № 1, p.75, 78, 84). срв. также Marrara D. Studi giuridici sulla Toscana medicea. Milano, 1965, p.52.
- 35 Cantini, vol.V, p.126, 169; vol.XIV, p.259-260 etc.
- 36 Ibid., vol.VI, p.321-322; vol.VIII, p.149; vol.XIV, p.259-260, 344-345, 360-363; vol.XVI, p.324 etc.
- 37 За одно лишь участие в сборище народа грозил штраф в размере 500 фл. Любого человека, покинувшего дом во время народных волнений, можно было безнаказанно убить. Увеличивались наказания за недовольное ношение оружия (Ibid., vol.I, p.162-163, 171, 183-185, 190-192).
- 38 Gini G.V. Vita di Cosimo primo granduca di Toscana. Firenze, 1611, p.102. См. также Cantini E. Vita di Cosimo de' Medici primo granduca di Toscana. Firenze, 1805, p.105.
- 39 Guicciardini Fr. Opere inedite. Firenze, 1858-1867, vol.X, p.377.
- 40 Cantini, vol.II, p.329.
- 41 Villani G. Cronica. T.IV, Firenze, 1845, p.20; Cantini, vol.VIII, p.346 (коммент.).
- 42 Arditi B. Diario..., p.156 (прим. I) - 157.
- 43 Ibid., p.42.
- 44 "Essendo tutta la plebe sollevata" (Ricci G.de'. Cronaca, p.216).
- 45 Ibid., p.216-218; Historie florentine. - Гос.библ. им. В.И.Ленина. Отд.рукописей, ф.256, № Ин.180, f. 528.
- 46 Arditi B. Diario..., p.155-157, 160-161; Ricci G.de'. Cronaca, p.220-228; Lapini A. Diario fiorentino dal 252 al 1596. Pubbl.da G.O.Corazzini. Firenze, 1900, p.195; Historie florentine, f.528.

- 47 Cantini, vol.VIII, p.345-346.
- 48 Arditi B. Diario..., p.153, XV.
- 49 Ibid., p.123.
- 50 Ibid., p.143.
- 51 Cantini, vol.XII, p.286-287.
- 52 Historie fiorentine, f.585, 586.
- 53 Ricci G. de'. Cronaca, p.470-471.
- 54 Ibid., p.475.
- 55 Alberti E. Relazioni..., ser.II, Append., p.275.
- 56 Ricci G. de'. Cronaca, p.500-501.
- 57 Cantini, vol.XII, p.364-367; Historie fiorentine, f.612; Lapini A. Diario..., p.267-268; Ricci B. de'. Cronaca, p.516.
- 58 Fanfani A. Storia del lavoro..., p.263-264.
- 59 Lapini A. Diario..., p.267-268. Риччи говорит, что это было сделано, чтобы доставить удовольствие новому герцогу (Ricci G. de'. Cronaca, p.516).
- 60 Cronica della città..., p.11.
- 61 Рутенбург В.И. Народные движения в городах Италии XIV - начало XV века. М.-Л., 1958, с.52; Hoover R. de. Labour Conditions in Florence around 1400: Theory, Policy and Reality. In: Florentine Studies. Politics and Society in Renaissance Florence. Ed. by N. Rubinstein. London, 1968, p.292-293; Fiorilli C. I dipintori a Firenze nell'arte dei medici, speciali e merciai.- "Arch.stor.ital.", an.78, vol.2, fasc.3, 1920, p.38.
- 62 Varchi B. Storia fiorentina. In: Opere di B.Varchi. Vol., Trieste, 1858, p.193.
- 63 Doren A. Die florentiner Wallentuchindustrie vom 14. bis zum 16. Jahrhundert. Stuttgart, 1901, S.525.
- 64 Такое правильное понимание решений встречается только у Ренара (Renard G. Histoire du travail..., vol.II, p.420).
- 65 Ricci G. de' Cronaca, p.524-525.
- 66 Reumont A. Descrizione di Firenze nell'anno 1598 di Lodovico Principe di Anhalt.- "Arch.stor.ital.", N.S., t.10, disp.2, 1859, p.106.
- 67 Cantini, vol.XIV, p.50-52.

- 68 Ibid., vol. XV, p. 194-196.
- 69 Ibid., p. 204.
- 70 Lettera Economico-politica sullo Stato e Città di Firenze scritta di Firenze il dì 30 Maggio 1689. In: Miscellanea di storia fiorentina, - Архив ЛОИИ СССР, 19/183, N 33, f. 233.
- 71 Albèri E. Relazioni..., ser. II, vol. I, p. 354. Полицейским террором посол Федели объясняет "мир", царивший во Флоренции (Ibid., p. 329).
- 72 Манселли Р. Доклад..., с. 23, 29.
- 73 Ролова А. Д. Политика тосканского правительства в отношении народных масс (вторая половина XVI - начало XVII в.). - Сб.: "Средние века", вып. 37. М., 1973.

А.Ролова

РОЛЬ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
В РАЗВИТИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ФЛОРЕНЦИИ И ДРУГИХ
ГОРОДОВ ТОСКАНЫ

(вторая половина XVI в. - первая половина XVII в.)

Характерной чертой экономической политики абсолютных монархий XVI в. и первой половины XVII в. является протекционизм - "искусственное средство фабриковать фабрикантов", по образному определению К.Маркса¹. Тем самым абсолютная монархия поощряла развитие капиталистической промышленности и сыграла в то время объективно прогрессивную роль. Эти известные положения должны ставиться под вопрос, когда речь идет о такой разновидности государственного строя как региональный абсолютизм, существовавший в тот же период в ряде итальянских государств.

Социально-экономические и политические условия, при которых возник и развивался итальянский региональный абсолютизм, значительно отличаются от соответствующих условий при абсолютистских режимах национальных монархий. Вместо национальных масштабов здесь существовали региональные, вместо укрепления капиталистической экономики и роста буржуазии - усиление феодальной реакции во всех сферах экономической, социальной, политической и культурной жизни. К этому добавляется наличие иноземного влияния, а местами даже владычества. Все это обуславливало специфические черты политики, в том числе экономической политики абсолютистских правителей. Изучение этой специфики может многое объяснить в экономическом развитии как этих государств, так и Италии в целом.

Эта статья посвящена изучению наиболее важной стороны экономической политики - политики в области промышленности, проводимой правителями Тосканского герцогства². Основными источниками послужили законодательные акты, а также свидетельства современников, сохранившиеся в дневниках и донесениях.

В исторической литературе этот вопрос до сих пор специально не ставился. Фактический материал был впервые собран и изучен флорентийским историком второй половины XV в. Галлуцци. Излагая экономические мероприятия герцогов в хронологическом порядке, всемерно восхваляя их деятельность, он, однако, не дал ни систематического анализа, ни обобщающей оценки³. Впоследствии об этой политике говорилось в некоторых работах Виволи, Анцилотти, Бохи и Фанфани, в целом посвященных иным вопросам⁴. Поэтому оценка, данная этими авторами, недостаточно обоснована и очень противоречива.

Поскольку промышленность Флоренции и других городов Тосканы издавна развивалась в рамках цехового строя, необходимо прежде всего остановиться на характеристике взаимоотношений государственной власти и цехов.

В республиканские времена цехи были основными центрами, регулирующими общие вопросы производства, сбыта, снабжения флорентийской промышленности. Правительство же играло второстепенную роль. Но поскольку оно состояло из представителей цехов, его экономическая политика была по существу той же цеховой политикой, поднятой лишь на высший уровень государственной власти. Правда, в XV в. нередко возникали конфликты из-за тенденции государства усилить свою роль за счет цехов. Но по существу все оставалось по-старому⁵. Только падение республики полностью видоизменило взаимоотношения государства и цехов. Конституция 1532 г. лишила цехи всяких политических функций и превратила их в чисто экономические организации⁶. С тех пор целенаправленная политика правителей приводила к постепенному подчинению цехов полному руководству государственной властью. Это было достигнуто прежде всего путем реорганизации цеховой структуры. Традиционное деление на старшие и младшие цехи было ликвидировано уже в 1532 г. В 1534 г. 14 цехов были объединены в четыре. Так возникли цех Ливаюли, объединивший мастеров по изготовлению льняных тканей, старьевщиков, виноторговцев, трактирщиков и других, цех Пор Сан Пьеро, включивший в свой состав мясников, булочников и торговцев маслом, цех Кожевников и меховщиков, куда входили также сапожники и ремесленники других специальностей,

и цех Строителей, объединивший также кузнецов, оружейников и других⁷. В 1583 г. были слиты воедино цехи Строителей и Пор Сан Пьеро⁸. В каждый из этих цехов входили, таким образом, ремесленники и лавочники, достаточно далекие друг от друга по роду своей деятельности. Это, конечно, мешало цехам детально вникнуть в производственную деятельность, но в то же время облегчало правительству проведение единой политики в области промышленности, ремесел и торговли.

Остальные цехи не были подвергнуты структурным преобразованиям. В конечном итоге к концу XVI в. во Флоренции существовало 9 цехов. Кроме вышеупомянутых, это были цехи Калимала (купцов), Лана (шерстяников), Пор Санта Мария (шелковщиков, ювелиров и других), Врачей и Аптекарей, Судей и Нотариусов, Камбио (менял). Цех Калимала находился в полном упадке и превратился по существу в организатора благотворительности и попечителя церквей и госпиталей⁹. Каких либо следов активной деятельности цеха Камбио в финансовой жизни Флоренции рассматриваемого времени нельзя обнаружить. Цех Судей и Нотариусов не был связан с экономической деятельностью, цех Врачей и Аптекарей лишь с узкой отраслью торговли. Следовательно, вся торгово-промышленная и ремесленная деятельность была по существу подчинена пяти цехам.

Другой формой проявления централизаторских тенденций правителей было распространение власти флорентийских цехов на все государство. В республиканские времена им был подчинен только контадо (ближайшая округа); за его пределами их влияние было незначительным. Теперь же обязанность имматрикуляции и, следовательно, соблюдения уставов и решений флорентийских цехов была возложена и на ремесленников, лавочников, торговцев и предпринимателей, живших в пределах всего государства¹⁰. Только цех Лана составлял исключение. Это, видимо, объясняется полным отсутствием сукноделия типа флорентийского вне столицы. Тем не менее и этот цех контролировал и ограничивал деятельность шерстяников всего государства.

Наряду с централизацией цеховой структуры происходило постепенное подчинение всей деятельности цехов правительству. Уже при создании четырех новых цехов весь должностной

аппарат был создан и соответствующие должностные лица назначены магистратом Уфичали дель Монте (попечители государственного банка). Он сохранил за собой право наблюдения за действиями этих цехов и за выполнением ими указаний герцога^{II}. Впоследствии, по мере надобности, герцоги назначали реформаторов уставов других цехов¹². Особым указом 1585 года новые цеховые уставы должны были быть проверены и утверждены высшей правительственной инстанцией (*Pratica secreta*)¹³. Часть должностных лиц, избираемых самими цехами, утверждались герцогом, часть же прямо назначались им. Все постановления принимались цехами от имени герцога или же цеховыми властями и герцогом; нередко они опубликовывались в виде правительственных указов. Решения цеха Лана издавались от имени "Консерваторов, поставленных герцогом Флоренции... во главе цеха Лана для забот о его делах и управления ими"¹⁴. В первой половине XVII в. эти же функции выполняли "Господа реформаторы, назначенные его высочеством над делами и занятиями цеха Лана"¹⁵. Распоряжения, касающиеся выделки как и торговли ими, издавались только герцогом или же специально назначенными им "Комиссарами и суперинтендентами по кожевным делам"¹⁶.

Не только издание новых распоряжений, касающихся всех вопросов цеховой компетенции, стали теперь фактически государственной функцией, но и контроль за их соблюдением зачастую осуществлялся не цеховыми должностными лицами, а представителями государственного бюрократического аппарата. Так, за соблюдением правил выработки кож во всем государстве следили ректоры и их подчиненные. Их контролю подчинялась также деятельность мастеров по выделке шелковой пряжи¹⁷. Подробный отчет о ходе торговли вайдой, находившейся в руках цеха Лана, а также о деятельности его красильни надо было ежегодно давать самому правителю¹⁸.

Цехи по существу превратились в государственные учреждения. Так на них и смотрели власти, включая в генеральную реляцию о Флорентийском государстве 1551/1552 гг. сведения о заработной плате, получаемой должностными лицами цехов наряду с соответствующими сведениями касающимися магистратов¹⁹.

и предусматривая в строящемся здании для государственных учреждений также помещения для пяти цехов²⁰.

Одновременно сокращались и функции цехов. Так, вопросы, касающиеся технологии кожевенного производства, решались вышеупомянутой комиссией. Регламентация производства не нашла даже отражения в статуте цеха Кожевников и Мехаовщиков. Ремесленники и лавочники, занятые снабжением населения продовольствием, были подчинены контролю и регулирующим функциям магистрата Продовольствия. В предыдущем веке подобная деятельность магистрата еще вызывала небезуспешное сопротивление цехов. Теперь же борьба прекратилась; подчинение стало свершившимся фактом.

Также была ограничена финансовая самостоятельность цехов. В 1582 г. их консулы лишились права свободно распоряжаться доходами и имуществом цехов; для этого требовалось согласие герцога²¹. Несколько позже на кассиров цехов была возложена обязанность ежедневно сдавать остатки кассы в государственный банк (Монте), откуда они могли по мере надобности получить необходимые им деньги²².

Цех стал также удобным каналом, через который правительство частично осуществляло свои финансовые функции. Так, экстраординарные налоги взимались с членов цехов при помощи и посредстве самого цеха²³. Цех Лана был обязан сдать в государственную казну 10 сольди с каждого платежа за маркировку ткани и столько же с взимаемого им сбора от каждого тька красного сукна (*chermisi*)²⁴.

В результате такого подчинения цехов государственной власти их решения отражали основные тенденции герцогской экономической политики.

С самого начала правления герцога Козимо (1537-1574) и при его ближайших преемниках наиболее характерными чертами этой политики было поощрение развития новых отраслей промышленности в рамках всего государства, забота об оживлении флорентийского сукноделия и шелкоделия и о развитии других отраслей промышленности столицы.

В целом герцогская экономическая политика носила протекционистский характер. Это нашло выражение прежде всего в ряде

мероприятий, способствовавших обеспечению промышленности сырьем и срудиями труда. Правители запрещали или сильно ограничивали вывоз сырья, поощряли его ввоз и производство на месте. Это особенно отчетливо проявляется в области шелкоделия.

Так, неоднократно издавались указы, запрещавшие вывоз сырого шелка без уплаты высокой, фактически запретительной, габеллы (1546, 1547, 1549, 1550, 1560, 1565, 1575, 1577, 1578, 1579, 1580, 1583, 1585, 1588, 1589, 1590, 1591). В 1547 г. габелла была увеличена на 50%, а в 1575 г. на столько же²⁵. Впоследствии при вывозе шелка стали взимать еще и дополнительные платежи²⁶. Временами вывоз сырого шелка, отдельных его видов и коконов шелкопряда вовсе запрещался. Для второсортного шелка и коконов этот запрет стал затем постоянным. Одновременно вводились все новые и более сложные формы контроля и увеличивались наказания за нарушения правил вывоза²⁷.

Начиная с 1560 г. правительство повторно обязывало землевладельцев сажать тутовые деревья как на своих полях, так и вдоль главных дорог, близ которых их владения были расположены. Только за период с 1590 по 1601 г. было издано 7 подобных указов²⁸. Строжайшим образом запрещалось рубить тутовые деревья и наносить им вред.

Защите интересов местного шелкоделия служили и запрет вывозить красители, мыло, ткацкие станки и инструменты, и также снижение пошлин (1579 г.) на ввоз иностранного сырого шелка²⁹.

Для поощрения сукноделия, кожевенной и бумажной промышленности был ограничен вывоз местной шерсти, запрещен вывоз вайды и других красителей, сырой кожи, сырья для дубления кож и производства бумаги, а также вывоз орудий труда³⁰. Для поощрения выплавки железа ввозимая руда облагалась сниженной пошлиной³¹. Низкие габеллы должны были способствовать привозу вайды для сукноделия, лесоматериалов, конопли и льна для нужд пизанских кораблестроительных верфей, меди для переплавки в Прато³². В тех местностях, где лес использовался на нужды солеварен, добычи купороса и строительства кораблей,

правительство регулировало или вовсе запрещало его рубку для других целей³³.

Не менее важную роль играла защита тосканской промышленности от иностранной конкуренции при помощи высоких пошлин или запрета на ввоз сукон, шелковых и парчевых тканей, стеклянных изделий, железа, чугуна, готовых кож, кард, шерстяных беретов и других товаров³⁴. Сукно нельзя было привозить даже в виде готовой одежды. Когда во Флоренции стали изготавливать ткани типа фландрской саржи, ее ввоз был немедленно запрещен³⁵. Такой же запрет был наложен на белый воск, как только в Ливорно стали заниматься отбеливанием воска, а также на хрусталь после того, как его стали производить во Флоренции³⁶. В этом плане уступки были редкими³⁷.

Вместе с тем всячески облегчался сбыт местных изделий. Так, изготовленные в Пизе кожи можно было перевозить по всему государству после уплаты одной лишь вывозной габеллы (без уплаты габеллы на ввоз в места назначения) и вывозить в Ломбардию без всякой габеллы. Аналогичными льготами пользовались также пизанские береты, мыло и сахар³⁸. Низкие вывозные пошлины существовали для флорентийских тканей. При Фердинанде I (1587-1609) иностранцы получили право на отсрочку платежей при покупке флорентийских шелковых изделий³⁹. Только в 1595 г., когда из-за тяжелого состояния животноводства производство кож резко сократилось, вывоз из государства этого традиционного экспортного товара был запрещен⁴⁰. Неоднократно герцоги пытались заключить торговый договор с Турцией, чтобы получить привилегии для сбыта изделий флорентийской текстильной промышленности. Неудача, постигшая их здесь, объясняется антитурецкой внешнеполитической ориентацией Тосканы и поисками конкурентов, главным образом Венеции⁴¹.

Протекционистский характер всех указанных мероприятий не вызывает сомнений. Однако, в силу финансовых соображений эта политика не всегда проводилась последовательно. Так, например, флорентийские печатники добивались снижения пошлин на бумагу и книги, ограничивавших возможности производства и сбыта. Хотя власти и признали, что пошлины чересчур высокие,

они не пошли ни на какие уступки⁴².

Особенно сильным препятствием было большое количество внутренних таможен. В интересах фиска они сохранились в таком же виде, в каком были унаследованы от республиканских времен. Ради улучшения контроля за уплатой пошлин проходные товары через таможни нередко усложнялось, а транспортировка вздорожала. Так, власти требовали, чтобы медь, шедшая на переработку в Прато, сперва привозилась во флорентийскую таможню⁴³. Было запрещено продавать шелк на ярмарках, пользовавшихся таможенными привилегиями⁴⁴. Поскольку таможенные платежи для пизанских и флорентийских кож были разными, их нельзя было перевозить вместе⁴⁵.

Другой стороной протекционистской политики была забота властей об обеспечении промышленности рабочей силой. Это выражалась в призывах к ранее эмигрировавшим флорентийским ткачам, красильщикам, золотобитам и другим мастерам вернуться на родину. Им были обещаны освобождение от исков за долги, льготные условия выплаты долгов и другие преимущества. За непослушание грозили объявлением вне закона и конфискацией имущества⁴⁶. В то же время мастерам шелковой промышленности было строжайшим образом запрещено покидать пределы государства⁴⁷.

Немаловажное значение для сохранения имеющейся рабочей силы имели такие мероприятия, как освобождение ткачей и других мастеров от судебных исков за долги в годы большой дороговизны и регулирование вопросов заработной платы. Цехи неоднократно требовали, чтобы рабочим и зависимым мастерам платили наличными деньгами и полноценной монетой⁴⁸. В 70-е годы, когда во флорентийских банках часто не хватало наличных денег, герцог добивался регулярной еженедельной выплаты таких сумм, которые были необходимы предпринимателям для обеспечения рабочих заработной платой⁴⁹. Во времена безработицы герцоги стремились занять трудящихся на всевозможных работах. В этой связи нельзя не упомянуть постоянную заботу властей об обеспечении столицы продовольствием, а также и о том, чтобы оно было по возможности дешевле. Последнее;

однако, им никогда не удавалось.

Развитию промышленности способствовали также призывы к иностранцам поселиться на постоянную жизнь в городах Тосканы. В этом плане правители проявляли особые заботы о Пизе и Ливорно.

В 1546 г. герцог Козимо призвал в Пизу мастеров и рабочих по выделке шелковых тканей, обещая им всевозможные налоговые и иные льготы. Для их нужд герцог велел построить шелкопрядильное заведение, пригласил опытного управляющего и красильщика, предоставив в его распоряжение необходимые помещения и инвентарь⁵⁰. И впоследствии работникам шелковой промышленности давались большие преимущества, нежели другим поселенцам⁵¹. Неоднократно герцоги призывали в Пизу и Ливорно греков, армян, французов, евреев, португальцев, англичан и представителей всех других национальностей. Новым поселенцам предоставлялись налоговые, экономические и судебные привилегии, земли, дома и займы. Они освобождались от принудительных общественных работ, от обязанности имматрикулироваться в цехи, получали личную неприкосновенность. Преступники освобождались от наказаний. Инаковерующие получали такие религиозные свободы, которыми они в других тосканских городах не пользовались⁵². Предлагая подобные же льготы, правители старались заселить остров Джильи, а также Портоферрайо на Эльбе, где строились галери и добывалось железо. Для заселения этих мест, туда высылались и преступники⁵³.

Тосканские герцоги практиковали также приглашение иностранных специалистов. Так в 40-х годах герцог Козимо призвал во Флоренцию фламандского печатника Торрентино и двух фламандских мастеров по изготовлению гобеленов. Из Венеции выманили мастера Бартоло - специалиста по хрусталу. В 1592 г. был приглашен немецкий мастер, который умел изготавливать хорошие и дешевые пули⁵⁴. Эта практика применялась особенно широко для поощрения промышленности Пизы и Ливорно. Все эти специалисты получали обычно еще больше привилегий и льгот, чем остальные новые жители.

Приглашение специалистов и других иностранцев было одним из основных методов, при помощи которого герцогам удалось

добиться появления в тосканских городах новых, ранее там не существовавших отраслей промышленности, распространения в новых центрах уже известных прежде отраслей, а также развития горнодобывающей промышленности.

Нельзя не упомянуть и о материальной помощи, оказываемой правительством цехам и отдельным предпринимателям. Выше уже говорилось о займах, предоставляемых вновь приглашенным специалистам и поселенцам. Великий герцог Фердинанд сразу же по восшествию на престол дал заем флорентийским цехам⁵⁵. Впоследствии он осуждал денежные суммы купцам и предпринимателям Флоренции и Ливорно (шерстяникам, шелковщикам, мыловарам, кораблестроителям и другим) как для открытия новых предприятий, так и для расширения уже действовавших⁵⁶. Он же вкладывал собственные деньги в сукнодельческие компании⁵⁷. Последнее было, конечно, не только помощью, но и средством извлечь личную выгоду из промышленной деятельности. В 1621 г. флорентийские шелковщики получили от правительства крупный заем для расширения производства, переживавшего в то время тяжелый кризис⁵⁸.

Другим средством оказания содействия промышленности было предоставление привилегий отдельным местностям и лицам (помимо новых поселенцев и специалистов). Так, кожевенные изделия Флоренции и Пизы, пользовались таможенными преимуществами при их перевозке. Ввиду распространения добычи купороса во флорентийском контадо, таможенные льготы, которыми до того пользовался при перевозке лишь купорос, добытый в контадо Вольтерры, были в 1580 г. распространены и на купорос флорентийского контадо. Шерстяники Ареццо получили в виде исключения право на изготовление кожи менее совершенным способом, чем это было принято в государстве⁵⁹.

Больше всего этот метод применялся в отношении отдельных предпринимателей. Им обычно давались личные преимущества как в отношении обеспечения сырьем, транспорта и сбыта готовой продукции, так и в отношении таможенных пошлин. Подобные привилегии получали, например, предприниматели Ливорно, занявшиеся изготовлением парусов, мыла, столовой посуды,

устройством стеклодувной печи, обработкой полудрагоценных камней, строительством кораблей⁶⁰. Личными таможенными привилегиями пользовался вышеупомянутый мастер Бартоло из Венеции⁶¹. Нередко привилегии сводились к монополии на изготовление той или иной продукции и на ее сбыт. По этому принципу было организовано производство саржи во Флоренции. Некий Якопо Спини из Ливорно получил монопольное право на дистиллирование спирта своим особым способом. Другой мастер получил монополию на отбеливание воска на 10 лет. Чаще всего монопольные права давались лицам, которые внедряли какие-нибудь новые методы производства⁶².

Источники, имеющиеся в нашем распоряжении, молчат о том, брали ли государи деньги за подобные привилегии. При учете практики других стран и жадности на деньги, столь характерной для медичейских герцогов, нельзя отбросить такое предположение. Выдача монополий в виде откупов практиковалась в XVI в. обычно только для эксплуатации государственных предприятий (железоплавильного производства, добычи купороса). Но Франческо стал давать на откуп и флорентийские заведения по растяжке сукон⁶³. Хотя Фердинанд по восшествию на престол сразу же отменил это нововведение⁶⁴, в XVII в. откупы стали привычным явлением. На откуп давали право печатать герцогские указы, дистиллировать спирт, изготавливать береты, льняные ткани, игральные карты, право добычи селитры и многое другое⁶⁵.

Очень показательна в этом отношении эволюция политики правительства в области книгопечатания. При Козимо оно поощрялось путем вышеотмеченного приглашения Торрентино и предоставления ему займа, титула герцогского печатника и других привилегий. Герцог сначала защитил печатников от церковной цензуры, разрешил издание произведений Боккаччо и других запрещенных писателей, но в конце концов, допустил деятельность церковной цензуры во всей Тоскане. После смерти Торрентино среди печатников существовала свободная конкуренция. Только в 1585 г. Марескотти получил привилегию на печатание герцогских указов. Но с 1633 года право книгопечатания стало даваться на откуп⁶⁶.

Что собой представляла практика откупов, видно на примере привилегий, полученных в 1600, 1622 и 1647 гг. откупщиками добычи селитры. Остальные лица, занятые этим делом, могли работать только на них. Откупщики одни имели право перевозки селитры по всему государству и оптовой торговли ею, могли бесплатно, в нужном им месте (кроме заповедников), занять землю, рубить деревья. За нанесенный кому-либо ущерб они были вынуждены возмещать убытки, но освобождались от штрафа. Они пользовались судебными привилегиями и другими преимуществами. Но зато за нарушение их монопольных прав грозил штраф в 100 ск. и ссылка на галеры⁶⁷.

Предоставление привилегий и монополий отдельным лицам было известно уже флорентийской республике и широко применялось абсолютистскими государствами XVI-XVII вв. Иначе в то время ни введение новых отраслей промышленности, ни также внедрение новых методов производства не были бы осуществимы. Привилегии и монополии, несомненно, давали некоторые положительные результаты. Но когда монополии стали даваться лишь по финансовым соображениям, без учета интересов экономики в целом, то они, естественно, становились препятствием для деятельности других предпринимателей и тем самым для дальнейшего экономического развития. Подобная тенденция проявилась уже в период правления Франческо, (недаром купец Риччи с ненавистью говорит о монополиях)⁶⁸ и стала постоянной практикой в XVII в.

Герцогская промышленная политика в тех сферах, которые прежде всецело были подчинены цехам, была противоречивой и половинчатой. Это объясняется сохранением прежних правил и методов руководства промышленностью, во многом идущих вразрез с основной тенденцией политики герцогов.

Давней традицией флорентийских цехов было подавление промышленности подчиненных Флоренции городов. На первый взгляд все вышеизложенное как будто означает преодоление этой тенденции. Однако в действительности тосканские власти поощряли вне Флоренции только те отрасли, которыми в столице ранее не занимались или которые не представляли серьезной кон-

курении для Флоренции, т.е. стекольную, кожевенную, бумажную, горнодобывающую промышленность и некоторые другие второстепенные отрасли. На них ограничительные цеховые правила не распространялись. Исключение составляло только шелководство, которым по инициативе герцогов стали заниматься в Пизе. Но эта отрасль прежде вне Флоренции не существовала и поэтому цех Пор Санта Мария не предусматривал никаких ограничительных правил. Распространение же выработки шелковой пряжи в деревне всего государства, всячески поощряемое властями, происходило в интересах флорентийских шелковщиков и ими же организовывалось⁶⁹.

Совершенно иначе обстояло дело с сукноделием. Старые правила, ставшие Флоренцию в наиболее благоприятные условия, продолжали действовать. Сохранились преимущества флорентийского сукноделия в области снабжения сырьем, запреты привозить во Флоренцию сукна, изготовленные в других городах Тосканы, сохранились также таможенные привилегии флорентийских шерстяников. В интересах столичного сукноделия ставились значительные преграды производству вязаных изделий из шерсти как во Флоренции, так и в контадо, а в 1592 г. оно было запрещено во всем государстве, за исключением провинции Лупиджана и Пизы⁷⁰. В целом же во второй половине XVII в. новых мероприятий, ограничивавших нефлорентийское сукноделие, не было проведено, хотя оно и не поощрялось.

Положение изменилось в начале XVIII в. Был ограничен сбыт сукон нефлорентийского происхождения в пределах государства. Свободно торговать разрешалось только изделиями флорентийского сукноделия. Были также ограничены возможности шерстяников контадо использовать местную шерсть. На прядильщиц, живших в радиусе 8 миль вокруг Флоренции (вместо прежних 6 миль) была распространена обязанность работать лишь на флорентийских шерстяников. Флорентийским стамаколи вмнялось в обязанность обслуживать только своих шерстяников. Последним же запрещалось кооперироваться с шерстяниками контадо⁷¹. Таким образом в XVIII в. мероприятия цеха Лана и вместе с тем правительства со всевозрастающей степенью

препятствовали развитию сукноделия вне Флоренции.

Сила традиций, закрепляемых финансовыми соображениями, была столь велика, что даже тогда, когда правительство вводило таможенные облегчения для некоторых городов, во Флоренции все оставалось по-старому, причем стюдь не в пользу ее промышленности. Так, мыло, изготовленное в Пизе и Ливорно, можно было при оплате одной лишь вывозной пошлины свободно перевозить по всему государству. Однако, при его ввозе во Флоренцию приходилось платить еще и ввозную пошлину⁷². Когда ради поощрения международной транзитной торговли ввозные пошлины, взимаемые в Пизе с кошенили и шелка были снижены, то при их ввозе для местных нужд пошлины сохранились в прежнем размере⁷³.

Таким образом, поощрение развития промышленности всех тосканских городов сочеталось с традиционной линией защиты интересов Флоренции. Эта противоречивость объясняет, почему, за исключением Ливорно и в известной мере Пизы, тосканские города все же не получили значительного развития и по-прежнему далеко отставали от Флоренции. Тем не менее нельзя согласиться с Бици и Фанфани, считавших, что правительство заботилось только об одной Флоренции в ущерб другим городам⁷⁴.

Печать противоречивости лежит и на мероприятиях правителей, касающихся самого процесса производства. Здесь влияние традиционных установок флорентийских цехов было особенно сильным.

С одной стороны, герцоги содействовали привлечению деревенского населения в промышленное производство. В 1546 г. было впервые дано разрешение в течение трех лет вывозить из Флоренции сырой шелк для обработки при уплате цехом определенного годового взноса вместо габеллы. Затем разрешение периодически продлевалось⁷⁵. После 1570 г. подобных указов больше не издавалось, практика стала постоянной. Аналогичным образом власти поддерживали и льняную и суконную промышленность. Лен для прядения, льняные ткани для отбеливания и сукна для окраски можно было вывозить в контадо и в обработанном виде ввозить во Флоренцию без всякой таможенной пошлины⁷⁶.

По-прежнему высокое качество продукции считалось залогом успешного сбыта, Основными средствами достижения данной цели служили регламентация производства и жесткий контроль над ним. Цех Лана строго оберегал секреты производства: запрещалось показывать иностранцам незавершенные ткани и вывозить их в таком виде в контадо⁷⁷. Чем больше трудностей испытывало производство, тем более детальной становилась регламентация, более сложным контроль, а наказания за те или иные нарушения более тяжелыми. В 40-50-х годах XVI в., когда надо было возобновить прежние позиции сукноделия, под жесткий контроль цеха была взята работа ткачей, прядильщиц, стававоли, утверждалась длина, ширина, плотность различных видов тканей. Особенно большое внимание уделялось выработке шерстяной пряжи⁷⁸. В 60-70-х гг. XVI в., когда сукноделие успешно развивалось, регламентирующая деятельность цеха несколько уменьшилась. В 1560 и 1562 гг. были отменены даже некоторые лишь недавно введенные стеснительные правила⁷⁹. Но в начале XVII в., когда эта отрасль текстильной промышленности пришла в упадок, регламентация вновь уоилдилась и значительно увеличился контроль над ее соблюдением⁸⁰.

И в кожевнном производстве, где в целом существовала очень жесткая регламентация, в 70-х годах технология производства была упрощена⁸¹. Контроль же за ее соблюдением оставался все время очень тщательным и со временем становился более детальным, а наказания все увеличивались.

Несравненно большей свободой пользовалось шелкоделие. В цеховых решениях нет никаких указаний относительно технологии выделки шелковой пряжи и очень мало правил, касающихся изготовления тканей. Это вполне соответствует большей гибкости всего характера шелковой промышленности Тосканы⁸². Но в решении 1604 г. уже говорится, что чрезмерная свобода производства дает плохие результаты и далее даются детальные указания, как производить основные изделия флорентийской шелковой промышленности - так называемые *gavi* и *ermesine*⁸³.

Регламентация производственного процесса была характерна не только для ведущих отраслей промышленности, но и для

других. Следовательно, в данной области цеховая и вместе с тем протекционистская политика шла всецело в русле привычных традиций республиканских времен. При том, в условиях благоприятных для развития промышленности регламентация слабела, а по мере роста экономических трудностей она усиливалась.

Итак, наиболее характерной и важной чертой герцогской политики в области промышленности был протекционизм. Он не был нововведением монархического режима. Протекционистская политика была характерной и для флорентийской республики. Все же герцогские мероприятия в этом плане отличались существенным образом. Во-первых, они проводились более энергично и с значительно большим размахом. Во-вторых, - и это главное - их преимуществами могла пользоваться не только столица, но и другие города. Это означает, что благодаря герцогской политике был сделан важный шаг вперед в развитии экономики. Но в то же время, в силу использования цеховых методов руководства и регулирования промышленности, а также из-за финансовых интересов казны развитию промышленности были поставлены определенные преграды. Все эти тормозящие факторы существовали и в других странах Европы. Мануфактурное производство регламентировалось везде. Но в крупных национальных государствах имелось не мало возможностей обойти и преодолеть подобные препятствия. В маленькой Тоскане при централизаторской политике, осуществляемой правителями через цехи и при помощи цехов, никаких возможностей обойти цеховую регламентацию и цеховой контроль не было. Простое нарушение правил, естественно, наталкивалось здесь на противодействие, осуществляемое не просто цехом, а всем бюрократическим государственным аппаратом в целом. Но пока существовали благоприятные внешние условия для развития промышленности, которые поддерживались протекционистской политикой, все указанные преграды не могли существенным образом мешать. Приходится отвергнуть мнение Фанфани, будто протекционизм в узких рамках территориального государства уничтожил промышленность⁸⁴. Он, конечно, не мог дать тех положительных результатов, которые давал в национальных

государствах. Все же протекционизм способствовал сплочению региональной экономики, что было важным шагом вперед на пути образования общенационального рынка.

В целом на протяжении второй половины XVI в. политика правительства эволюционировала - хотя и не до конца последовательно - в сторону увеличения льгот и преимуществ в интересах промышленности. Известная задержка этой тенденции относится ко времени правления герцога Франческо, когда по финансовым соображениям были предприняты такие мероприятия, которые шли в разрез с потребностями промышленного развития. Не исключено, что это объясняется экономическими трудностями того времени, которым он пытался противодействовать явно негодными средствами. Однако его преемник Фердинанд вновь вернулся к политике протекционизма, достигшего при нем наиболее совершенных и ярко выраженных форм.

В XVII в. при общей неблагоприятной экономической ситуации протекционистский характер правительственной политики слабел, а цеховые и финансовые ограничения увеличивались. В подобных условиях экономическая политика тосканских правителей стала существенным дополнительным препятствием для развития промышленности.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- 1 Марко К. Капитал. Т. I. - Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 767.
- 2 Оно возникло в 1532 г. и в 1569 г. было превращено в великое герцогство. В его состав входило Флорентийское государство, а с 1557 г. и Сиенское. В дальнейшем пойдет речь только о Флорентийском государстве.
- 3 Calluzzi R. Istoria del granducato di Toscana sotto il governo della casa Medici. Ed. 2^a. Vol. I-IX, Firenze, 1781.
- 4 Vivoli G. Annali di Livorno. Vol. 1-4. Livorno, 1842-1846; Anzilotti A. La costituzione interna dello stato Fiorentino sotto il duca Cosimo I de' Medici. Firenze, 1910; Bachi H. Finanzen und Finanzpolitik Toskanas im Zeitalter der Aufklärung. Berlin, 1915; Fanfani A. Storia del lavoro in Italia dalla fine del sec. XV agli inizi del XVIII. 2^a ed., Milano, 1959.
- 5 Наиболее полная характеристика внутренней структуры и функций цехов XIV-XV вв. дана в работе Doren A. Das florentiner Zunftwesen vom XIV bis zum XVI Jahrhundert. Stuttgart u. Berlin, 1908.
- 6 Varchi B. Storia fiorentina. - Opere di Benedetto Varchi. Vol. I, Trieste, 1858, p. 338.
- 7 Cantini L. Legislazione Toscana. Firenze, 1800-1808, Vol. I, p. 101-104. Дальше: Cantini.
- 8 Cantini, vol. X, p. 258-260.
- 9 Ibid., vol. XIII, p. 326-390.
- 10 Ibid., vol. IV, p. 251-253, 263-271; vol. VIII, p. 215-217; vol. IX, p. 61-62, 64; vol. XI, p. 62-65; Editti fiorentini - Библиотека ЛОИИ СССР, к. 869 I, vol. III, N 1.
- 11 Cantini, vol. I, p. 101-104.
- 12 Ibid., vol. IV, p. 173-174; vol. IX, p. 28; vol. XI, p. 131; vol. XII, p. 322.
- 13 Ibid., vol. X, p. 389-390.
- 14 Ibid., vol. I, p. 310; vol. IV, p. 78, 136 etc.
- 15 Ibid., vol. XV, p. 55, 177.

- 16 Ibid., vol. VIII, p. 200-206; vol. XII, p. 99-109; Editti...
k 8691, vol. III, N 63, 67, 70.
- 17 Cantini, vol. VII, p. 62-64, 79-81, 205-207; vol. VIII, p.
200-206, 219-223, 271-274; vol. IX, p. 78-83, 333-335 etc.
- 18 Ibid., vol. XII, p. 338, 346.
- 19 D. Addario A. Burocrazia, economia e finanze dello Stato
Fiorentino alla metà del Cinquecento. - "Arch. stor. ital.",
1963, disp. 3, p. 421-428.
- 20 Cantini, vol. IV, p. 43-45.
- 21 Ibid., vol. IX, p. 220-221.
- 22 Ibid., vol. XII, p. 274, 346 etc.
- 23 Ibid., vol. IV, p. 58-74; vol. IX, p. 258-260 etc.
- 24 Ibid., vol. XII, p. 340-341.
- 25 Ibid., vol. I, p. 284-287, 340-341; vol. VIII, p. 219-223.
- 26 Ibid., vol. IX, p. 215.
- 27 Ibid., vol. II, p. 86-87; vol. IV, p. 9-11; vol. VIII, p. 219-223,
271-274, 343-344; vol. IX, p. 216-217; vol. X, p. 78-83, 333-
335; vol. XII, p. 276-278.
- 28 Ibid., vol. XIII, p. 128-129, 187-189; vol. XIV, p. 85-86,
186, 263-264; Bandi e decreti fiorentini. - Библиотека
ЛОИИ СССР, k 8702, vol. XIII, f. 65. etc.
- 29 Cantini, vol. IX, p. 220; vol. X, p. 80; vol. XIII, p. 314.
- 30 Ibid., vol. VIII, p. 65, 124-125; vol. IX, p. 225-226, 244-245,
269-270; vol. XII, p. 344-345; vol. XIII, p. 314; vol. XIV,
p. 112-113, 275-276; vol. XVI, p. 43-46.
- 31 Ibid., vol. IV, p. 212-213; vol. IX, p. 250-251.
- 32 Ibid., vol. IV, p. 40-41, 172-173, 375-376; vol. IX, p. 225, 252.
- 33 Ibid., vol. VII, p. 105; vol. IX, p. 357; vol. XIII, p. 282-301.
- 34 Ibid., vol. I, p. 93, 293, 353-354; vol. III, p. 363-364; vol.
IV, p. 212-213; vol. VII, p. 62-64; 180; vol. VIII, p. 200-206,
245-248, 441-447; vol. IX, p. 7-8, 141-142, 220-221, 223,
248, 251-253; vol. X, p. 90; vol. XIII, p. 312; vol. XIV, p. 317,
323-325; vol. XV, p. 163-164; 168-170, 239-241; Editti...,
k 8691, vol. III, N 66, 70.
- 35 Cantini, vol. V, p. 217-219. Это производство, видимо, не
сумело упрочиться, так как в 1606 г. фландрская саржа
вновь значится среди разрешенных к ввозу тканей

- (Ibid., vol. XIV, p. 232-325).
- 36 Ibid., vol. I, p. 353-354; vol. IX, p. 253; vol. X, p. 263-264.
- 37 В 1568 г. было дано разрешение привозить во Флоренцию грубые сукна, которые на месте не производились (Ibid., vol. VIII, p. 234-240), а в 1570 г. - некоторые виды кож из Англии, Фландрии и Германии (Ibid., vol. VII, p. 180).
- 38 Ibid., vol. IV, p. 206-207; vol. IX, p. 246, 265; vol. X, p. 352; vol. XIII, p. 312-316.
- 39 Dorini, U. L'arte della seta in Toscana. Firenze, 1928, p. 49.
- 40 Cantini, vol. XIV, p. 112-113.
- 41 Canestrini S. Contributo alla storia dei trattati commerciali fra la Toscana e i Turchi. - "Arch. stor. ital.", 1939, disp. 3.
- 42 Maracchi Biagiarelli B. Il privilegio di stampatore ducale nella Firenze Medicea. - "Arch. stor. ital.", 1965, disp. 3, p. 315-316.
- 43 Cantini, vol. IX, p. 250-252.
- 44 Ibid., vol. XII, p. 370.
- 45 Ibid., vol. X, p. 352.
- 46 Ibid., vol. I, p. 272-273; 303-305; vol. III, p. 300-301; vol. IV, p. 78; vol. VIII, p. 225-226; vol. IX, p. 9-10.
- 47 Ibid., vol. I, p. 303-305; vol. IX, p. 9-10.
- 48 Ролова А. Д. Структура промышленности Флоренции второй половины XVI - начала XVII в. - Ученые записки Латв. гос. ун-та, им. П. Стучки. Истор. науки, IV, № I, 1965, т. 61, с. 32-33.
- 49 Arditi B. Diario di Firenze e di altre parti della cristianità. A cura di R. Cantagalli. Firenze, 1970, p. 189, 190.
- 50 Cantini, vol. I, p. 329-331; Bandi..., k 8702, vol. IX, f. 212-213.
- 51 Editti..., k 8691, vol. I, No 98.
- 52 Cantini, vol. I, p. 384-393; vol. II, p. 31-34; vol. IV, p. 40-41, 172-173, 375-376; vol. X, p. 365; vol. XIII, p. 270-272; vol. XIV, p. 10-19; Bandi..., k 8702, vol. V, f. 1053. 1069; Editti..., k 8691, vol. I, No 98, 104; Vivoli G. Annali..., vol. III, p. 86, 137, 189-190, 333-337, 409.

- 53 Cantini, vol.III,p.109-111; vol.V,p.41-42, 156; vol.VI, p.378-380; Bandi e leggi antichi.- Библиотека ЛОИИ СССР, k 7566,vol.XI,p.233-236.
- 54 Mutinelli F. Storia arcana ed aneddotica d'Italia raccontata dai veneti ambasciatori. Vol.II,Venezia,1858,p.45; Battistini M. La confrérie de Sainte Barbe des flamands à Florence. Bruxelles,1931; Maracchi Biagiarelli B. Il privilegio...,p.304-307.
- 55 Albèri E. Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato. Ser II,vol.V,Firenze, 1858, p.440, Appendice, Firenze, 1863,p.279.
- 56 Vivoli G. Annali...,vol.III,p.211; Braudel F., Romano R. Navires et marchandises à l'entrée du port de Livourne (1547-1611). Paris,1951,p.28; Delumeau J. Vie économique et sociale de Rome dans la seconde moitié du XVIe s. Vol.II,Paris,1959,p.903.
- 57 Carmona M. Aspects du capitalisme toscane aux XVIe et XVIIe siècles.- "Revue d'histoire moderne et contemporaine. T.XI,avr.-juin 1964,p.85.
- 58 Cantini, vol.XV,p.194-196.
- 59 Ibid.,vol.IX,p.265; vol.X,p.377; vol.XII,p.99-109; vol.XIII,p.244-246.
- 60 Vivoli G. Annali...,vol.III,p.211-212, 222-223, 416-420, 447-448; vol.IV,p.16,66-67.
- 61 Cantini, vol.IX,p.253.
- 62 Ibid.,vol.V,p.217-219; vol.X,p.263-264; vol.XIV,p.253-254, 297-299; Vivoli G. Annali...,vol.IV,p.16, 368-370, 408.
- 63 Ricci G.de'. Cronaca (1532-1606). A cura di G.Saporì. Milano-Napoli,1972,p.311, 376.
- 64 Ibid.,p.512, 515.
- 65 Cantini,vol.XIV,p.253-254,297-299; vol.XV,p.387-390;vol.XVI,p.307-310; Bandi...,k 7566,vol.IV,p.113-119; Maracchi-Biagiarelli B. Il privilegio...,p.325; Fanfani A. Storia del lavoro...,p.186; Vivoli G. Annali...,vol.IV,p.408.

- 66 Maracchi Biagiarelli B. Il privilegio..., p.325.
- 67 Cantini, vol.XIV, p.253-254; vol.XV, p.307-310; vol.XVI, p.387-390.
- 68 Ricci G. de'. Cronaca, p.311, 376.
- 69 Ролова А.Д. Структура промышленности..., с.12.
- 70 Cantini, vol.IV, p.388-389; vol.VIII, p.308; vol.XIII, p.305-311.
- 71 Ibid., vol.XIV, p.317-319, 331-333; vol.XV, p.55-59, 163-164; vol.XVI, p.185-186, 372-375. Стамаволи - посредники, раздававшие шерсть прядильщикам.
- 72 Ibid., vol.IX, p.254-255.
- 73 Ibid., p.195-196.
- 74 Būchi H. Finanze..., S.29-37; Fanfani A. Storia del lavoro..., p.53-56; В 1924 г. Анцилотти повторил точку зрения Бухи, хотя ранее высказывал иное мнение (Anzilotti A. Movimenti e contrasti per l'unità italiana. A cura di L.Rosso. Bari, 1930, p.42).
- 75 Cantini, vol.III, p.234-235; vol.IV, p.139-140; vol.VI, p.323; vol.VII, p.215.
- 76 Ibid., vol.IX, p.256-257.
- 77 Ibid., vol.II, p.165; vol.IV, p.387.
- 78 Ibid., vol.I, p.289-299, 366-269; vol.II, p.159-165; vol.III, p.214-217.
- 79 Ibid., vol.IV, p.78-83, 380-390.
- 80 Ibid., vol.IV, p.347-349; vol.XV, p.133-135; vol.XVI, p.144-146, 178-179, 309-311.
- 81 Ibid., vol.IX, p.139-140.
- 82 Ролова А.Д. Структура промышленности ...с.14.
- 83 Cantini, vol. XIV, p.291-297.
- 84 Fanfani A. Storia del lavoro..., p.54.

V.Pāvilāne

RĪGAS KREDITTIRDZNICĪBAS RAKSTURS PĒC
XVII GS. TIRDZNICĪBAS LIKUMIEM

Rīgas tirdznieciskajos sakaros ar lietuviešu, baltkrievu, krievu, ukraiņu zemēm visā feodālisma periodā valdošā forma bija kredittirdzniecība, proti, naudas vai preču izsniegšana avansā (Vorschuss, zadatek) pret eksportpreču piegādi nākotnē. Ziemeļvācijas Hanzā naudas un preču kredīts plaši pazīstams jau kopš XIII gs. Pirmie starptautiskie līgumi (piemēram, 1229. gada līgums ar Smoļensku) liecina par šīs tirdzniecības formas lielo nozīmi Hanzas sakaros ar Austrumeiropu. Īpašu vērīenu Rīgas tirdznieciskās aizmugures kreditēšana ieguva kopš laika, kad Lietuvas lielkņazs Aleksandrs 1498. gadā piešķīra Polockai Magdeburgas pilsētas tiesības. Šeit ietilpstošās izkrautņu spaida tiesības (Stapelrecht) stipri ierobežoja vācu tirgotāju kustības brīvību ārpus Polockas. 1511. gadā Zīgismunds I likvidēja Rīgas tirgotāju pēdējās privilēģijas Polockā. Rezultātā tirgus operācijas no Daugavas augšteces pilsētām pakāpeniski pārcēlās uz Rīgu. Kontrolēt, paturēt savās rokās tirdzniecību kādā virzienā bija iespējams, izmantojot divus paņēmienus: pirmkārt, izvēršot aktīvu tirdzniecisku darbību, pašiem vedot aizjūras preces uz eksporta preču piegādes rajoniem un iepērkot tur vajadzīgās eksporta preces, otrkārt, kreditējot tirdzniecisko aizmuguri, tādējādi piesaistot noteiktu kontingentu preču piegādātāju kā parādniekus. Kā norāda J.Jenšs, pirmais paņēmieni Rīgas tirdzniecības vēsturē bija jau noiets etaps (XIII - XV gs.). Sevišķu nozīmi tagad ieguva otrs paņēmieni - kreditēšana.¹

Vēl plašāk kreditēšana attīstījās ar t.s. "poļu laikiem", kad Rīga un viss Daugavas ūdensceļš arī politiski bija saīs-

tīts ar savu tirdzniecisko aizmuguri. Dažādi ārējie (kari) un iekšējie (neražas, epidēmijas u.c.) traucējumi noveda pie tā, ka baltkrievu, lietuviešu, krievu tirgotāji un muižnieki saņemtos kreditus ar precēm nespēja segt. Parādi uzkrājās arvien vairāk. Tādējādi, kā atzīmē J.Jenšs un O.Hedemans, no "iesaldētiem" īstermiņa kredītiem izveidojās ilgtermiņa kredīti.² Ilgtermiņa kredīti savā ziņā bija izdevīgāki Rīgas tirgotājiem, jo tie piesaistīja parādnieku kreditoram uz vairākiem gadiem, pat gadu desmitiem, neļaujot tam savas preces brīvi pārdot citiem tirgotājiem. Tādā veidā šī tirdzniecība ieguva it kā piespiedu raksturu, kas bija izdevīgi Rīgas tirgotājiem no diviem viedokļiem: pirmkārt, nodrošināja diezgan stabilu preču pieplūdi, otrkārt, ļāva tiem diktēt cenas. Būtībā tas arī bija Rīgas tirgotāju mērķis.

Tā kā Rīgas tirgotāju kapitāli bija mazi, tirdznieciskās aizmugures kredītišana nenotika ar rīdzinieku naudu, bet gan ar ārzemju - galvenokārt holandiešu, vēlāk arī angļu - naudu, kaut gan jau Hanzas laikā Rīgā pastāvēja noteikums, kas aizliedza rīdziniekiem tirgoties, izmantojot ārzemju kapitālu. Vēl 1621. gada tirdzniecības noteikums aizliedza Rīgas tirgotājiem izsniegt preču piegādātājiem kreditus, kas pārsniegtu viņu pašu (Rīgas tirgotāju) kapitālus.³ Aizlieguma mērķis bija atvairīt Rietumeiropas tirgotāju iespaida pastiprināšanos Rīgas tirgū. Taču Rīgas tirgotājiem trūka pašiem savu kapitālu, lai paturētu starpnieka lomu sakaros starp Rietumeiropu un Austrumeiropu. Tāpēc XVII gs. vidū uz Rīgas namnieku pašu vēlēšanos Austrumeiropas preču piegādātāju kredītišanai tika atļauts izmantot naudu, ko savukārt rīdziniekiem kredīta veidā izsniedza ārzemju tirgotāji.

Izsniegtos kreditus un parādus vajadzēja fiksēt, jo mutiskas liecības nekad nav drošas. Ar laiku darījumi starp Rīgas tirgotājiem un preču piegādātājiem tika dokumentēti ar kontraktiem, parādu zīmēm (Obligation), garantijas rakstiem (Assecurations-Schrift), kas deva tiesiskas ga-

rantijas. Rīgas vēstures avotos tie parādās XVII gs. pašā sākumā (iespējams, ka bija jau agrāk, bet Rīgas tirdzniecības tiesas aktis, kur šie dokumenti fiksēti, ir kopš XVII gs. sākuma), bet masveidīgi - ar XVII gs. vidū. Šini pašā laikā kreditora un debitora attiecības sāka regulēt valdība, konkrēti, Zviedrijas centrālie varas orgāni, izdodot Rīgai tirdzniecības likumus, kuros veseli paragrāfi veltīti šiem jautājumiem.

Kontraktu un kredittirdzniecības pamatprincipi 1690. gada Karaliskajā tirdzniecības likumā Rīgas pilstai formulēti šādi: ja Rīgas namnieks noslēdzis kontraktu ar krievu⁴ un devis tam avansu, tad krievs drīkst tirgoties tikai ar savu kreditoru un ne ar vienu citu, kamēr nav norāķinājies ar šo kreditoru; ja kontrakta nav un arī avanss nav dots, un krievs nav namniekam parādā, tad viņš var tirgoties, ar ko grib.⁵ Ja Rīgas tirgotāji ievēroja šī pamatprincipa pirmo pusi un jo stingri raudzījās, lai to pildītu arī preču piegādātāji, tad otro pusi tie centās apiet. Visreljefāk pēdējā tendence parādās jautājumā, vai krievs, kas vairākkārt tirgojies ar kādu rīdzinieku un ir ar to norāķinājies, nepalikdams tam parādā, var tirgoties ar citu Rīgas tirgotāju. 1639. gada Rīgas rātes, Tirdzniecības tiesas un Rīgas tirgotāju pārstāvju apspriedes rezolūcijā atbilde uz šo jautājumu formulēta diezgan miglaini un nenoteikti: var tirgoties ar citu, bet jaunajam kreditoram ar zvērestu jāapliecina, ka viņš krievu ar dāvanām un pierunāšanu nav pievilinājis un atrāvis vecajam kreditoram; ja jaunais kreditors vilcinās zvēret, tad viņš tiek sodīts, un krieva preces, ja tas (krievs) nevar minēt nopietnu iemeslu, kāpēc aizgājis no vecā kreditora, paliek rēdžjam.⁶ Kas tie par nopietniem iemesliem, - atbildi uz to dod jau minētajā 1639. gada rezolūcijā pēc Rīgas tirgotāju ierosinājuma ierakstītā piezīme: tiek uzskatīts par labu, ja katrs krievs esot aizbildniecībā pie sava tirgotāja (Rīgas namnieka); tikai tad, ja namnieks viņam nedod avansu un nav ilgāku laiku ar viņu tirgojies, krievs esot brīvs.⁷

Rīdziniekiem neizdevās panākt, lai zviedru valdība iekļautu XVII gs. tirdzniecības noteikumos tik atklāti nepamatotas prasības. 1675. gada Zviedrijas karaļa rīkojumā par krievu tirdzniecību teikts: ja kāds krievs, kas vairākkārt tirgojies ar rīdzinieku, ir ar to norēķinājies, nepalikdams tam parādā, un tagad grib tirgoties ar citu, tad viņš to var darīt.⁸ 1690. gada likums jau paredz sodu 20 dālderu apmērā, ja rīdzinieks pēc norēķina cenšas krievu aizturēt slēgt darījumu ar citiem Rīgas tirgotājiem.⁹

Tagad rodas jautājums, vai Rīgas tirgotājiem izdevās praksē realizēt savu vēlmi noturēt pie sevis arī tādu preču piegādātāju, kas tam nebija parādā, un, ja izdevās, tad cik plašā mērā šī parādība bija izplatīta, un vai tas notika likumīgā vai nelikumīgā ceļā. Uz jautājuma pirmo daļu jāatbild apstiprinoši. Katrā ziņā XVIII gs. Rīgas tirdzniecības tiesas aktis diezgan bieži fiksēti gadījumi, kad preču piegādātājs pēc norēķināšanās ar Rīgas tirgotāju slēdz ar to jaunu kontraktu. Acīmredzot tas zināmā mērā notika Rīgas tirgotāju spiediena rezultātā. Lai izvairītos no šāda, tie atrada iespēju to izdarīt šķietami likumīgi. Var minēt šādu piemēru no Rīgas tirdzniecības tiesas aktim.¹⁰ 1739. gadā muižnieks Jans Čihinskis lūdza Rīgas tirgotāju Antonu Bulmerinku, ar ko tas ilguš gadus bija tirgojies, izdarīt aprēķinu (Liquidation formiren). Pēc tā atklājās, ka Čihinskis ir vēl parādā 228 dālderus, par kuriem tas izrakstīja parādzīmi. Pēc parāda dzēšanas J. Čihinskis iegūtu tiesības tirgoties ar citu Rīgas tirgotāju. Taču A. Bulmerinks nedevis jaunu avansu vajadzīgo preču izstrādāšanai, un tā kā Čihinskim pašam naudas nebija, tas joprojām palika Bulmerinka parādnieks un līdz ar to nedrīkstēja tirgoties ar citiem rīdziniekiem. Tādējādi, no vienas puses, minētais Rīgas tirgotājs aizturēja muižnieku likumīgi kā savu parādnieku, bet no otras puses, rīkojās nelikumīgi, neizsniedzot tam jaunu avansu (skat. 61.lpp.).

Taču atsevišķos gadījumos ir vērojama arī preču piegādātāju zināma tieksme saistīties ar vienu un to pašu Rīgas

tirgotāju, ko varbūt izskaidro Starodubas strazņika Pošemkovska izteiciens. 1754. gadā Rīgas tirgotājs Kārlis Bērenss, kurš ilgstoši bija tirdzniecībā ar Pošemkovski, pēc norēķināšanās vairs negribēja turpināt ar to tirdzniecības darījumus. Pošemkovskis nemaz nejutās iepriecināts, ka jāuzsāk darījumi ar kādu citu Rīgas tirgotāju, jo, pēc viņa domām, labāk esot tirdzniecībā ar pierastu tirgotāju.¹¹ Šīni gadījumā varēja darboties tīri subjektīvi motīvi. Taču nav noliedzams, ka liela nozīme viduslaiku tirdzniecībā bija personīgās "pažināšanās" principam.

Kreditori centās iegūt sev arī tās preces, ko piegādātāji nopludināja virs kontraktā noligtā daudzuma, kā arī tās, kas palika pāri pēc parāda un avansa dzēšanas. Minētajā 1639. gada apspriedē šis jautājums formulēts šādi: vai krievs, kas nav norēķinājies un palicis rīdziniekam parādā, taču atvedis daudz preču un ar šīm precēm grib segt tikai parādu, bet pārējās pārdot citam, var to darīt? Apspriedes rezolūcijā ierakstīts, ka to viņš nedrīkst darīt; visas atvestās preces jāatdod vecajam kreditoram.¹² Jautājums, vai šāda Rīgas tirgotāju pilnīgi nepamatota vēlēšanās ieviesās dzīvē. XVII gs. otrās puses Rīgas tirdzniecības likumi it kā noliedz šo kreditoru patvarību. Tā, piemēram, 1675. gada tirdzniecības likumā teikts, ka šādas preces piegādātājs var pārdot, kam grib.¹³ Taču 1690. gada jauno paplašināto tirdzniecības noteikumu 9. paragrāfā ir vēl piebilde, ka tomēr priekšroka ir kontrahentam (kreditoram), kam preces jāpieņem bez kavēšanās, lai krievam neceltos zaudējumi.¹⁴ Acīmredzot, ja rīdzinieks vilcinājās pieņemt šādas preces, viņš līdz ar to zaudēja pirmpirctāja tiesības. Tā 1690. gada likums, no vienas puses, atļāva piegādātājam ar pārpalikušajām precēm rīkoties pēc saviem ieskatiem, bet, no otras puses, apstiprina kreditora kā pirmpirctāja tiesības uz šīm precēm, tādējādi daļēji realizējot 1639. gada apspriedes lēmumu Rīgas tirgotājiem vēlamā garā. Kā to liecina daudzie Rīgas tirdzniecības tiesas aktis ievietotie kontraktu noraksti, atreferējumi un oriģināli, tāds princips plaši

ieviesās tirdzniecības praksē. Parasti jau kontraktā abas puses vienojās, ka pārpalikumu paņems kontrahents (Rīgas tirgotājs) vai nu par kontraktā noteiktām vai tirgus cenām. No vienas puses, šāda prakse pasargāja prešu piegādātāju no liekām rūpēm Rīgas tirgū, kura norisē valodas nezināšanas, kā arī kredittirdzniecības ipatnību daļēji viņš vēl orientējās, sevišķi ja tas nebija tirgotājs. No otras puses, tas bija jūtams ierobežojums piegādātājiem, jo, pārdodot preces brīvā tirgū, tas iegutu lielāku peļņu. Retu reizi kontraktos uzsvērts, ka piegādātājs prešu pārpalikumu var brīvi pārdot.

Iepriekš aplūkoti jautājumi dod ieskatu arī par to, cik lielā mērā Rīgas tirgotāji bija ieinteresēti prešu pieplūdē no Rīgas tirdznieciskās aizmugures. Sevišķi spilgti šī ieinteresētība izpaužas 1639. gada apspriedes 3. jautājumā: ko darīt, ja muižnieks¹⁵ aizņēmis no rīdzinieka naudu, bet parāda zīmē nav speciāli norādīts, ka parāds jāatmaksā precēs, un tāpēc parādnieks nopludinātās preces grib pārdot citam, bet parādu samaksāt naudā? Uzmanību saista jau pats fakts, ka apspriedē šis jautājums sīkāk vispār netika iztirzāts un rezolūcijā bija ierakstīts, ka neviens namnieks vai tirgotājs neaizdos naudu un nepiešķirs avansu uz procentiem.¹⁶ Acīmredzot augļošana, ko rīdzinieki arī vēlāk nepiekopa sevišķi plaši, šinī laikā vēl bija pavisam maz izplatīta parādība.¹⁷ Šķiet, ka tādēļ arī Zviedrijas karaļa 1675. gada rīkojumā par krievu tirdzniecību un tā paša gada tirdzniecības likumā šim jautājumam piegriezta maza vērība, un rīdzinieki sākumā diezgan vienaldzīgi uzņēma šajos dokumentos ietvertu noteikumu, kas faktiski runāja pretim rīdzinieku tendencēm, proti: ja lietuviešu, poļu¹⁸ un krievu tirgotāji vai muižnieki ir parādā rīdziniekiem vai aizņēmušies naudu uz procentiem, bet nav speciāli noteikts, ka summa jāsamaksā precēs, tad viņi to var samaksāt naudā, bet preces pārdot citiem.¹⁹ Tikai vēlāk rīdzinieki pret šādu formulējumu protestēja, norādot, ka tas radot lielu sajukumu un neskaidrības. Jaunajā, 1690. gada tirdzniecības likuma 7.

paragrāfā teikts: ja krieva vai poļa parāds uzkrājies ilgus gadus un nav samaksāts, tad, ja tāda ir kreditora (Rīgas tirgotāja) vēlēšanās, (as jāsamaksā precēs.²⁰ Šis punkts liecina par Rīgas tirdznieciskās aizsargu preču ļoti lielo nozīmi Rīgas saimnieciskajā dzīvē.

Šķiet, ka diezgan parasta parādība bijusi kontraktēto preču iekļaušana vai pārdošana citam Rīgas vai vietējam tirgotājam. Par to liecina kā tirdzniecības noteikumos ietvertie paragrāfi, tā daudzās Rīgas tirdzniecības tiesas aktis. Šāda prakse tika plaši pārrunāta 1639. gada apspriedē: ko darīt, ja krievs vai muižnieks reiz pārdotās preces, par kurām jau saņēmis naudu, pirms nodošanas kredītoram pārdod citam krievam vai rīdziniekam un arī piegādā šīs preces tam. Rezolūcijā teikts, ka tam, kas preces nopircis otru reizi un tās jau saņēmis, ar zvērestu jāapliecina, ka viņš nav zinājis, ka preces pirms tam bijušas jau pārdotas kādam citam; tādā gadījumā preces paliek šim otram pircējam. Pie šī paragrāfa ir piebilde: ja pirmais kontrahents ir devis avansu uz jau izstrādātām precēm, bet preces tomēr saņēmis otrais kontrahents, tad tomēr tās pienākas pirmajam kontrahentam. Apspriedē vienojās arī par to, ka meža preces (pelnus, kokmateriālus), kas jau apzīmogotas ar pirmā kontrahenta zīmogu, pārdod otru reizi kādam muižniekam²¹ vai tirgotājam, tās tomēr pienākas pirmajam kontrahentam, kura zīmogs ir uz precēm. Šīni gadījumā netika ņemts vērā pat tas, ka otrais pircējs bija preces nopludinājis par savu naudu un uz sava riska un apzvērējis, ka neko neesot zinājis un zīmes neesot redzējis.²²

Rodas jautājums, vai otrais pircējs vienmēr varēja zināt, vai preces, ko viņš pērk, pirms tam ir jau noligtas kādam citam, vai arī tās ir brīvas? Uz šo jautājumu jāatbild noraidoši. Te vainojams informācijas trūkums, kā arī diezgan plaši izplatītā preču piegādātāju tieksme izvairīties no vecajiem kontrahentiem un kreditoriem, un slēgt darījumus ar citiem rīdziniekiem, lai iegūtu jaunus kredītus. Pircējs zināmā mērā bija atkarīgs no piegādātāja godīguma. No otras

puses, arī otrs pircējs izmantoja šādu informācijas trūkumu un piegādātāju tieksmi izvairīties no vecā kontrahenta, lai iegūtu citam noligtas preces - ne vienmēr pirmais kontrahents laikā konstatēja, kas noticis ar viņa noligtajām precēm. Prešu piegādātājs, kam vajadzēja naudu, pārdodot preces otru reizi, apgalvoja, ka tās esot brīvas un pats viņš nevienam parādā neesot. Tikai tad, kad preces jau pienāca Rīgā, atklājās, ka uz tām pretendē vēl kāds cits. Rīgas tirgotāji daudzkārt nezināja, kas notika ar viņu noligtām precēm tirdznieciskajā aizmugurē un pa ceļam uz Rīgu.

Citā 1639. gada apspriedes punktā ir runa par līdzīgu variantu. Starpība ir tikai tā, ka šinī gadījumā otrs pircējs zina, ka preces iepriekš jau noligtas kādam citam. Proti, ja krievu tirgotājs vai namnieks noligt "augšā" (Rīgas tirdznieciskajā aizmugurē) no muižnieka kādas preces, bet tad ierodas Rīgas tirgotājs un arī noslēdz kontraktu ar šo pašu muižnieku, maksājot vairāk nekā maksājis krievu tirgotājs, un līdz ar to muižnieks vairs nepilda pirmo kontraktu, kam tad tiesas ceļā pienākas preces? Apspriedes rezolūcijā teikts, ka tādā gadījumā preces tomēr pienākas krievam.²³

Līdzīga situācija varēja gādīties starp diviem Rīgas tirgotājiem: viens rīdzinieks nolīga no muižnieka preces, bet otrs to pārsolīja. Piemēram, 1647. gada vasarā Rīgas namnieks Retelsdorfs sūdzējās par Osterhofu. 1646. gada rudenī Retelsdorfs bija noslēdzis kontraktu ar muižnieku Hurko par 100 mastu koku piegādi par 10 dālderiem gabalā. Avansa veidā Retelsdorfs bija iedevis Hurko jau 500 dālderu, t.i., pusi maksas. Tad Osterhofs piedāvājis par katru mastu koku 25 dālderus. Rezultātā kokiem izcirstas Retelsdorfa zīmes un mastus pievācis Osterhofs.²⁴

Minētais punkts faktiski sargāja vecākā kreditora vai kontrahenta (rīdzinieka) tiesības: liela daļa krievu, baltkrievu, lietuviešu, ebreju u.c. tirgotāju vasarā vai rudenī noslēdza līgumu ar Rīgas tirgotāju par kādu konkrētu prešu

piegādi un tikai pēc tam, saņemusi avansu šo prešu iepirkšanai vai izstrādāšanai, devās tās meklēt. Ja kāds cits Rīgas tirgotājs, pārsolidams "augšas" tirgotāju, izjauca tā darījumu ar vietējo muižnieku, tad rīdzinieks, kam bija kontrakts ar šo "augšas" tirgotāju, varēja preces, kas jau bija daļēji samaksātas ar viņa doto avansu, arī nesāpēt. Diezgan plaši bija izplatīta parādība, ka Rīgas tirdznieciskās aizmugures tirgotājs preces bija nolīdzis no muižnieka jau iepriekš un tikai tad slēdza kontraktu ar rīdzinieku (tas sevišķi attiecas uz meža precēm). Arī tad varēja gadīties, ka otrs rīdzinieks, kas pārsolīja šo tirdznieciskās aizmugures tirgotāju, pievāca preces, kas likumīgi pienācās pirmajam rīdziniekam. Bez tam šis paragrāfs zināmā mērā regulēja arī konkurenci starp "augšas" tirgotājiem un rīdziniekiem Rīgas tirdznieciskajā aizmugurē.

Lai aizsargātu vecākā kreditora intereses, XVII gs. otrā pusē izdotie tirdzniecības noteikumi šinī jautājumā ir daudz stingrāki. 1675. gada tirdzniecības likumā teikts, ka neviens nedrīkst pirkt preces no krieva, kam jau ir kontrakts ar kādu citu vai arī, ja tas ir kādam parādā. Pārkāpuma gadījumā confiscē pusi preču.²⁵ 1690. gada noteikumos paredzēts tas pats: neviens nedrīkst ne "augša" (Rīgas tirdznieciskajā aizmugurē), ne "lejš" (Rīgā) pievilināt krievu, ne arī pirkt no tā preces un saņemt tās, ja šim krievam pirms tam jau ir kontrakts ar kādu citu tirgotāju, kas tam iedevis avansu. Pārkāpuma gadījumā confiscē pusi preču.²⁶ Gadījumā, ja krievs vai polis jau kontraktētās preces "augšā" pārdod citam, tā sagādājot lielus zaudējumus namniekam (rīdziniekam), tad tiesas ceļā procesā pienākas pirmajam kontrahentam.²⁷

Jāpiezīmē, ka XVII gs. otrās puses tirdzniecības noteikumos vairs nav runas par to, ka otrais pircējs varētu arī nezināt, vai preces pirms tam nav pārdotas kādam citam. Vai informācija būtu uzlabojusies? Nav pamata uz šo jautājumu atbildēt pozitīvi. Tirdzniecības tiesas prāvu gaitā gan nereti tika atkārtots, ka, slēdzot kontraktu ar piegādātāju,

vajag iepriekš apjautāties citiem Rīgas tirgotājiem, vai konkrētai: piegādātājs nav tiem parādā. Daudzās prāvas Rīgas tirdzniecības tiesā XVIII gs. pirmā pusē tomēr liecina, ka šī prasība maz tika ņemta vērā.

1690. gada tirdzniecības likums aizliedza dot krievam, kura preces jau ienākušas Rīgas pilsētas jurisdikcijas teritorijā, rokasnaudu piedraudot ar sodu 10 dālderu apmērā. Turpretim prešu piegādei nākotnē avansu drīkst dot. Šis punkts bija vērstš pret to, ka rīdzinieki bieži devās pretī piegādātājiem un ceļā iepirka no tiem preces. Rīgā bija izveidojies paradums, ka ceļā dažas jūdzes no pilsētas nav atļauts preces "arestēt", t.i., ņemt Tirdzniecības tiesas uzraudzībā. Piegādātāji to izmantoja, daļēji vai pilnīgi samaksātās preces pārdeva citiem, kas piesolīja augstāku cenu. Šādas preces turpat ceļā netālu no Rīgas apzīmogoja no jauna, likvidējot vecos zīmogus, un, kad preces nonāca Rīgā, tās paņēma jaunais pircējs, atstājot veco kreditoru tukšā. Minētais 1690. gada noteikumu paragrāfs, aizliedzot dot rokasnaudu, centās novērst šādu praksi.

Ne vienmēr prešu piegādātājs nopludināja pietiekami daudz prešu, lai apmierinātu visus kreditorus.²⁸ Tāpēc Rīgas tirdzniecības tiesā bieži tika izskatītas prāvas jautājumā par vecākā kreditora tiesībām. 1639. gada apspriedē jautājumu stādīja šādi: ja krievs vai muižnieks tirgojas ar diviem namniekiem un saņēmis avansu dažādos laikos un par to sola piegādāt vienādas preces, taču noplūcina mazāk un nevar abus apmierināt, vai tad abiem rīdziniekiem piegādātās preces jāsadala proporcionāli, vai arī tam, kam ir vecākā parādu zīme, ir priekšroka? Rezolūcijas atbildē teikts, ka priekšroka ir tam, kam ir vecāks kontrakts vai parādu zīme.²⁹ Šāds princips tika ievērots arī turpmāk. Taču spriežot pēc Rīgas tirdzniecības tiesas aktim, tas nebūt neizslēdza ļaunprātības un pārkāpumus. Ja neizdevās noskaidrot, kurš ir vecākais kreditors, vai arī prešu bija tik daudz, ka varēja apmierināt visus, tad šādas preces "arestēja" un ar māklera starpniecību pārdeva vairāksolišanā; bet

ieņemto naudu pēc izdevumu segšanas sadalīja kreditoriem.

Tādā veidā zviedru valdība centās regulēt attiecības starp Rīgas tirgotājiem un preču piegādātājiem. Jautājums, kā praksē tika ievēroti šie principi, gaida vēl risinājumu.

Tirdzniecības likumu attiecīgo paragrāfu analīze ļauj izdarīt dažus secinājumus. Rīgai izdotie zviedru valdības tirdzniecības likumi pilnā mērā nodrošināja Rīgas tirgotāju-kreditoru tiesības. Taču Rīgas tirgotājiem visu feodālisma periodu piemītusi tieksme iegūt īpašas, bieži vien pilnīgi nepamatotas privilēģijas attiecībā pret eksporta preču piegādātājiem. Zviedrijas centrālā vara tomēr parasti izturējās piesardzīgi pret tamlīdzīgām rīdzinieku pretenzijām, augstāk par visu stādot savas valstiskās intereses. Šīni gadījumā tā baidījās, ka Rīgas tirgotāju šauri lokālo tieksmju neierobežota atbalstīšana varētu sagādāt zaudējumus Zviedrijas valsts kasei, jo preču piegādātāju pārmērīga ierobežošana Rīgā varēja daļēji novirzīt preču plūdumu uz sensenajām Rīgas konkurentēm - Karaļaušiem, Klaipeņu, Kurzemes hercogistes ostām un pat Gdaņsku.

- 1 Jensch G. Der Handel Rigas im 17. Jahrhundert. - Mitteilungen aus der livländischen Geschichte, Bd. 24, Heft 2, Riga, 1930, S.61.
- 2 Turpat, 62.lpp.; Hedemann O. Dzisna i Druja - magdeburskie miasta. Wilno, 1934; S.150.
- 3 Latvijas PSR Centrālais Valsts vēstures arhīvs (turpmāk LCVVA), A-2.f., 1.apr., 571.l., 22.lp.
- 4 Apzīmējums "krievs" nebūt nenozīmē, ka kontrahents piederēja pie krievu tautības. Analizējot Rīgas tirdzniecības tiesas aktis, V.Dorošenko konstatējis, ka preču piegādātājs, ko rīdzinieki apzīmē ar vārdu "krievs", gandrīz vienmēr nāk no Rečas Pospolitas ziemeļaustrumu rajoniem, un visbiežāk tas ir baltkrievu tirgotājs

- Дорошенко В.В. Протоколы торгового суда как источник для изучения экономических связей Риги с русскими, белорусскими и литовскими землями в XVII в. В кн.: Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968, с.121.
- 5 LCVVA, A-9.f., 1.apr., 822.l., 87.lp.; A-63. skapis, 51.l., 11.lp.
  - 6 LCVVA, A-2.f., 1.apr., 571.l., 52.lp.
  - 7 LCVVA, A-2.f., 1.apr., 571.l., 53.- 54.lp.
  - 8 LCVVA, 7363.f., 1.apr., 283.l., 3.lp.
  - 9 LCVVA, A-63. skapis, 51.l., 14.lp.
  - 10 LCVVA, A-9.f., 1.apr., 2117.l., 12.lp.
  - 11 Turpat, 2087.l., 210.lp.
  - 12 LCVVA, A-2.f., 1.apr., 571.l., 52.lp.
  - 13 LCVVA, 7363.f., 1.apr., 283.l., 352.lp.
  - 14 LCVVA, A-63. skapis, 51.l., 15.lp.
  15. Atšķirībā no citiem punktiem, kur preču piegādātājs tiek apzīmēts kā "Reusse" vai arī blakus "Reusse oder Edelmann (Adēl)", šīnī punktā minēts tikai "Adēl". Acīmredzot tas tāpēc, ka naudu lielākās summās aizpēnās galvenokārt muižnieki.
  - 16 LCVVA, A-2.f., 1.apr., 571.l., 52.lp.
  - 17 Rīgas tirgotāji ar augļošanu nodarbojās reti, jo, kā jau minēts, tiem pašiem nebija lielu kapitālu un viņi darījumus slēdza uz ārzemju kredīta rēķina, otrkārt, tirdzniecība uz kredīta deva peļņu pat līdz 100%, kamēr procenti par naudas aizdevumiem nepārsniedza 5 - 12%. (Jensch G. Der Handel Rīgas..., S. 59-60), treškārt, kapitāla ieguldīšanas tiešais mērķis Rīgas tirdznieciskajā aizmugurē bija nodrošināt pastāvīgu stabilitu preču pieplūdī Rīgas eksportam.
  - 18 XVII gs., bet jo sevišķi XVIII gs. ar vārdu "polis" (Pohle) apzīmēja kontrahentus no Rečas Pospolītas baltkrievu un lietuviešu rajoniem, galvenokārt muižniekus, kas bija pārpoļojušies.
  - 19 LCVVA, 7363.f., 1.apr., 283.l., 3.lp.; A-9.f., 1.apr., 822.lp., 196.lp.

- 20 LCVVA, A-9.f., 1.apr., 822.l., 90.lp.
- 21 Šeit acīmredzot domāti vietējie poļu, lietuviešu, baltkrievu vai krievu muižnieki, kuri nereti nodarbojās ne tikai ar savu ražojumu realizāciju tirgū, bet piekopa plašāka apmēra tirdzniecību, uzpērkot preces no citiem.
- 22 LCVVA, A-2.f., 1.apr., 571.l., 53.- 54.lp.
- 23 LCVVA, A-2.f., 1.apr., 571.l., 53.lp.
- 24 LCVVA, A-3.f., 6.apr., 1404.l., 351.lp.
- 25 LCVVA, 7363.f., 1.apr., 283.l., 350.lp.
- 26 LCVVA, A-63. skapis, 51.l., 11.- 12.lp.
- 27 Turpat, 16.lp.
- 28 1763. gadā sastādītie Rīgas tirgotāju parādnieku saraksti, kas uzrāda parādus sākot ar XVII gs. vidu, liecina, ka vienai piektajai daļai preču piegādātāju ir 2 - 3, dažkārt pat vairāki kreditori (LCVVA, A-2.f., 1.apr., 304.l.).

O.Niedre

DAŽAS ZIŅAS PAR RĪGAS PILSĒTAS IESPIEŠANOS
APKĀRTEJĀ TERITORIJĀ 20.GS. SĀKUMĀ

Pilsētas jēdziens ietver sevi gan saimniecisku, gan administratīvu vienību. Feodālās pilsētas iedzīvotāji nodarbojās arī ar lauksaimniecību. Viduslaiku Rīga šai ziņā plaši izmantoja savu patrimonālapgabalu. Rīgai augot, tā atspieda lauksaimniecību no pilsētas. XX gs. sākumā varam novērot, ka Rīga sāk iespiesties apkārtējo muižu teritorijā, ievērojami pāraugot savas administratīvās robežas.

Ši raksta uzdevums daļēji parādīt minētās iespīšanās konkrētās izpausmes.

Iepazīstoties ar Vidzemes guberņas Landrātu kolēģijas 1913. gada lopu skaitīšanas Rīgas apriņķa materiāliem¹, māsu uzmanību piesaista muižām piederošās zemes sīkie nomnieki, kuriem iznomātais zemes gabaliņš nesasniedza 1 pūrvietu. Kopējais viņu izmantotais zemes daudzums Rīgas apriņķī ir samērā liels - 3728,89 pūrvietas (1243 desetinas). Minētā "saimniecību" grupā tika uzskaitītas 766,66 pūrvietas (255 desetinas) aramzemes, kas sastāda 20,5% no visas zemes kopplatības.² Tik nēcīgs aramzemes procents nav nevienā uzskaitīto saimniecību grupā un izskaidrojams vienīgi ar lielu apbūvētas zemes daudzumu, kas ieskaitīta nederīgajā zemē. Salīdzinājumam der aplūkot 1918. gada datus par Rīgas apriņķa kroņa muižās pārdotajiem līdzīga rakstura zemes gabaliem, kurās 1121 "saimniecība" izmanto 1255,67 pūrvietas (419 desetinas), no kurām derīgā zeme ir 46,48 pūrvietas (19 desetinas)³. No citām saimniecību grupām atšķiras arī sīko zemes gabalu nomnieku lopu samēri: 376 darba zirgi, 429 slaucamas govīs, 202 aitas, 929 cūkas. Muižas nomnieku-zemnieku saimniecībās (autors sīko zemes gabalu nomniekus

zemnieku saimniecībām nepieskaita) Rīgas apriņķī šie sa-
mēri ir pavisam savādāki: 2530 darba zirgi, 7973 slaucamas
govis, 14163 aitas, 6179 cūkas. Tātad sīknomniekiem 3,7 :
4,3 : 2,0: 9,3, bet zemnieku saimniecībās 2,5 : 8,0 :14,1 :
6,2.

Sīkie nomnieki⁴ nav izvietoti vienmērīgi visā apriņķī.
No 139 muižām (tai skaitā arī kroņa un mācītājmuižām)
šādi nomnieki ir tikai 26 muižās un proti:

1. Majori (Majorenhof) Slokas draudzē	1171,42	purvietas,
2. Ādaži (Aahof) Ādažu "	307,71	"
3. Sigulda (Segewold) Siguldas "	289,58	"
4. Ikšķile (Uexküll) Ikšķiles "	259,05	"
5. Valteri (Waltershof) Slokas "	250,16	"
6. Buļļi (Bullenhof) Daugavgrīvas "	232,05	"
7. Paltmale (Paltmal) Siguldas "	198,06	"
8. Bolderāja (Bolderaa)Daugavgrīvas "	166,61	"
9. Inčukalns (Hinzenberg) Allažu "	149,17	"
10. Bīripi (Koltzen) Krimuldas "	141,32	"
11. Milgrāvis-- Hilhena muižiņa (Mühlgraben-Hilchensholm)		
Daugavgrīvas "	123,50	"
12. Stukmaņi (Stokmannshof) Kokneses "	83,00	"
13. Allaži (Allasch) Allažu "	69,06	"
14. Kurtes-Stopiņu (Kürtenhof- Stopinshof) Ikšķiles "	54,45	"
15. Bergi (Bergshof) Ādažu "	43,68	"
16. Sprēstipi (Probstingshof)Ikšķiles"	42,15	"
17. Skrīveri (Römershof)Aizkraukles "	32,87	"
18. Vējzaķisala (Vegesaksholm)Daugavgrīvas		
Daugavgrīvas "	21,18	"
19. Mangaļu (Magnushof) Daugavgrīvas "	16,67	"
20. Ādažu (Neuermühlen) mācītāja muiža	15,00	"
21. Jaunā muiža (Neuhof)Krimuldas draudzē	13,00	"
22. Nītaure (Nitau) Nītaures "	7,40	"
23. Ulbroka (Stübbensee)Ikšķiles "	7,12	"
24. Voleri (Wohlershof) Daugavgrīvas "	5,95	"

25. Rammes (Rammenhof) Siguldas draudzē 4,42 pūrvietas,
26. Ikšķīles mācītājmuiža 2,44 "

Pēc sava rakstura minētajās 26 muižās sastopamie sīkie nomnieki grupējami trīs daļās.

Pirmo daļu (2., 8., 11., 15., 16., 18., 19., 20., 23., 24.) sastāda sīkie zemes gabali, kuru iedzīvotāji cieši saistīti ar Rīgu, daudzi strādā Rīgā un kuru aizņemtie zemes gabali ir faktiski ārpus Rīgas administratīvajām robežām izplūstošas priekšpilsētas. Minētā grupa ietver 804,02 pūrvietas zemes.

Otrā daļa (1., 3., 4., 5., 6., 10., 21.) ir zemes gabali, kurus daļēji aizņem Rīgas buržuāzijas un ierēdniecības vasarnīcas, kuros dzīvo piepilsētas zvejnieki (2356,58 pūrvietas zemes).

Trešā daļā ietilpst pārējās apdzīvotās vietas, kuras galvenokārt veidojās pie dzelzceļa līnijām un ar Rīgu ir saistītas ne tik ciešām saitēm, kā abos pirmajos gadījumos. Protams, grūti te novilkt krasu robežu. Arī Bīriņos un Majoros dzīvoja strādnieki, bet Bolderājā un Bergos uzturējās vasarnīki.

Par Majoru un Valteru muižu zemes iznomāšanu samērā plašas ziņas savācis P.Belte. 1917. gadā Majoru muižā bijuši nomniekiem iedalīti 1830 gruntsgabali, kurus nomājuši 1648 nomnieki⁵, bet Valteru muižā 1912. gadā apbūvei iznomāti 139 gruntsgabali⁶. Gandrīz visi minētie zemes gabali bijuši apbūvēti ar vasarnīcām vai pastāvīgi apdzīvojamām mājām, zeme izmantota zemeņu audzēšanai.

1913. gada lopu skaitīšanas laikā Majoru "muižā" ir 111 zirgi vecāki par 4 gadiem, no kuriem 5 pieder muižas centra (4,49 pūrvietas aramzemes) nomniekam, bet 106 - sīko zemes gabalu nomniekiem, pēdējiem pieder arī 107 slaucamas govīs un 460 cūkas⁷. Mēs labi saprotam, ka neskatoties uz samērā lielo lopu daudzumu Majoru muižas teritorijā, kas aptver tagadējos Majorus un Mellužus, neviens ar lauksaimniecību nenodarbojās.

Otrs Rīgas izplešanās veids bija jaunu rūpniecības uzpē-

mumu celšana uz Rīgai tuvumā esošo muižu vai zemnieku zemes, iegūstot tās attiecīgo uzņēmumu īpašumā. Tā, piemēram, Krēmera muiža Daugavgrīvas draudzē piederēja Šmihta Rīgas cementfabrikas sabiedrībai⁸, bet Ikšķiles draudzē atrodam "Rittergut Jägelmühle" (Papirdzirnava)⁹. Visā Krēmera "muižā" bija 5,82 pūrvietas (2 desetinas) aramzemes, 1 zirgs, 9 govīs un 6 cūkas, bet Ikšķiles papīrfabrikā 15,05 pūrvietas (5 desetinas) aramzemes un 6 zirgi (citu lopu šai "muižā" nebija).

Alderu muiža (Hollershof), kura piederēja Teodoram Rihardam Daugulim, bija nedaudz lielāka - 403,12 pūrvietas (134 desetinas) kopplatība, tai skaitā 72,70 (24 desetinas) - aramzeme¹⁰. Muižā bija 9 zirgi, 11 slaucamas govīs un 20 cūkas. Tomēr muižai galveno vērtību piešķir alus darītava (1911. gadā muižas vērtība bija 130 000 rubļu¹¹). Šajā gadījumā alus darītava nestrādāja ar muižīpas laukos izaudzētu labību, bet labību iepirka ārpus saimniecības.

Visi minētie piemēri rāda, ka XX gs. sākumā Rīgas pilsēta pārsniedz savas administratīvās robežas un sāk sevi iekļaut apkārtņē esošās teritorijas. Minētās izplešanās precīzas robežas nospraust ir ārkārtīgi grūti. No otras puses pilnīgi saprotams, ka daļa oficiālo "muižu" šai laikā bija ieaugušas pilsētas teritorijā, zaudējušas savu lauksaimniecisko raksturu. Daļa muižu saglabājās lauksaimniecība, tomēr iegūstot prāvus ienākumus no zemes iznomāšanas sīkos zemes gabalos dzīvojamo māju un vasarnīcu celtniecībai. Strīdīgākā ir trešās grupas (7., 9., 12., 13., 17., 22.) muižu saistīšana ar Rīgu. Uzskatu, ka šeit ir runa par netiešu Rīgas iespiešanos (vasarnīcas, ar pilsētu saistīto ikdienas apgādes (piens, dārzeņi), komunikāciju apkalpošana utt.) tuvākajā apkārtņē.

- 1 LPSR OVVA, 214.fonds, 3.apr., 144.- 164.lieta.
- 2 Visus aprēķinus, apkopojot minstās skaitīšanas pirmma-
terialus, izdarījis šī raksta autors.
- 3 Latvijas zemes īpašumi: Vidzeme. R., 1920., 60.-61.lpp.
- 4 Avots nedod iespēju noteikt sīko nomnieku skaitu.
- 5 Belte P. Rīgas Jūrmalas, Slokas un Ķemeru pilsētas ar
apkārtni. R., 1935., 119.lpp.
- 6 Turpat, 238.lpp.
- 7 LPSR OVVA, 214.fonds, 3.apr., 149.lieta, 11.- 12.lapa.
- 8 Turpat, 5.apr., 609. lieta, 3.lapa.
- 9 Turpat, 3.apr., 145.lieta, 7.- 8.lapa.
- 10 Turpat, 153.lieta, 21.- 22.lapa.
- 11 Turpat, 218.fonds, 2.apr., 363.lieta, 35.- 36.lapa.

М.Эндзеле

ИЗ ОПЫТА ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМЕЙНЫХ ОБРЯДОВ НАСЕЛЕНИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ ЛАТГАЛЕ И КУРЗЕМЕ

Латвийская ССР является одной из тех советских республик, в которых высокую долю населения составляют горожане. По материалам переписи населения 1970 года 62,0% населения нашей республики живут в городах¹. Латвия к тому же характеризуется весьма большой численностью городов разного типа. Из всех 56 городов - 48 малые города². Однако общая численность населения этого наиболее распространенного типа небольшая: в 1968 году она равнялась 298 тыс. человек³. Несмотря на малую численность, население малых городов, на наш взгляд, следует рассматривать как особую прослойку, отличающуюся как от сельского, так и от населения городов других типов (среднего, большого, крупного) по образу жизни, быту и другим признакам. Малый город больше, чем другие типы городов, поддерживал и поддерживает весьма тесную связь с селом. Между тем, среди коренного населения формировались свои собственные формы быта и общения. Малый город в некотором смысле является как бы началом соприкосновения населения с элементами урбанизации. Интерес представляет также роль этнической среды в жизни населения этих городов. Известно, что специфика городской жизни обуславливает более тесное и частое взаимодействие разных этнических общностей, чем в селе. Выявление закономерностей развития и функционирования семейной обрядности с учетом указанных условий является задачей исследования, проведенного автором в течение ряда лет.

Полям эксперимента были выбраны малые города двух историко-этнографических областей Латвии - Латгале и Курземе. Эти области, как известно, представляют собой весьма отличающуюся этническую среду. Латгале расположена в непосредственной близости к этнической границе с территорией расселения восточных славян. На этой области в результате частых и длительных этнических контактов происходит активное этно-

культурное взаимодействие нескольких этнических общностей⁴. В результате исторического развития здесь сложились некоторые особенности в хозяйственной жизни населения, что отразилось на традиционные стороны быта народа. Курземе, как в прошлом, так и в настоящем характеризуется весьма однородным этническим составом. Эта область, в силу географического расположения, лишена столь интенсивных этнических контактов, как Латгале. Следовательно, на специфику быта населения обеих областей оказывают влияние несколько отличающиеся условия. С целью определения тенденций развития интересующих нас явлений во всех малых городах Латгале и Курземе был выдвинут ряд признаков, общих для всех малых городов данной области. Важными мы считали такие признаки, как численность населения города, этнический состав, занятость населения в определенных отраслях народного хозяйства и др. Конкретный же город должен был представлять эти признаки наиболее близко к областным. Исходя из этих признаков, наиболее типичным для Латгале представился г. Лудза, для Курземе - г. Кулдига⁵.

Семейная обрядность (родильные, свадебные и погребальные обряды) является одной из очень устойчивых сторон быта, наиболее ярко характеризующей этническую специфику любого народа⁶. В этнографической литературе нередко встречаются указания на этноопределяющие функции семейных обрядов, наряду с такими признаками как язык, этническое самосознание и др. Исследование семейных обрядов особую важность приобретает в настоящее время, когда наблюдается интенсивное развитие этнических процессов. Раскрытие закономерностей развития и функционирования семейной обрядности дает ответ на ряд вопросов, связанных с традиционными сторонами быта народа, которые в силу своей устойчивости наименее прямо связаны с изменениями в социально-экономической жизни.

Между тем, проблема латышских семейных обрядов до сих пор мало привлекала внимание латышских советских этнографов. Имеющиеся исследования⁷ преимущественно относятся к сельским семейным обрядам. Вопрос о судьбе традиционной семейной обрядности в городской среде еще не ставился⁸.

В настоящее время все большее значение приобретает исследование социальных, а также этнических явлений с учетом полезности практического использования результатов в оперативном управлении этими процессами. Относительно семейной обрядности эта задача может быть решена в плане рекомендаций для органов, имеющих официальное отношение к ним, о положительных или отрицательных элементах бытующих ритуалов, а также о путях преодоления вредных пережитков или способствовании развитию положительных обычаев и обрядов. При наличии этого аспекта исследования возможным и правомерным представляется и другой аспект — анализ семейной обрядности как компоненты этноса, взаимодействующей с множеством факторов этносоциального организма в целом. В конечном счете анализ в указанном аспекте дает ответ о наиболее тесных связях этой компоненты этноса с факторами этносоциального организма, о детерминации развития и функционирования ее.

В настоящей статье мы преследуем цель выявить основные тенденции функционирования семейной обрядности и раскрыть обусловленность передачи опыта об этом явлении. Такой подход к исследованию семейной обрядности выдвигает необходимость представить ее в целостном виде. В данном исследовании такую целостность семейные обряды представлены в трех аспектах: 1) информированность населения о традиционных семейных обрядах (знание); 2) соблюдение их на практике (бытование); 3) отношение к традиционным семейным обрядам⁹.

Сбор информации происходил по подробно разработанной программе, в которой особое внимание уделялось сравнимости разных таксономических уровней во всех трех аспектах (например, знание сватовства, соблюдение сватовства и отношение к сватовству). Сведения, полученные от информаторов, запротоколировались в вопроснике и после интервью были сведены к формализованным оценкам. Относительно знания обрядов они сводились к четырехбалльной шкале ("очень хорошо знает", "имеет ясное представление", "слабо знает", "не знает"). Бытование и отношение к обрядам было представлено подразделениями с учетом соблюдения и отношения как к традиционным народным элементам, так и к официальному оформлению ритуалов

(преимущественно альтернатива: гражданский или религиозный ритуал). Следует отметить, что сложность работы в процессе сбора информации заключалась именно в сведении ее к формализации, что требовало от интервьюеров не только хорошей осведомленности о рассматриваемом явлении, но и определенного однопорядкового подхода к их оценке.

Считаем необходимым подчеркнуть, что указанный подход к исследованию семейных обрядов при наличии поставленных задач не является единственным, а лишь одним из возможных. Например, представляется возможным провести анализ не на уровне формализации всего ритуала (родильного, свадебного, погребального), а на более низком таксономическом уровне (свадебные обряды: выбор невесты (жениха), сватовство, обручение, свадьба, послесвадебный период и т.д.).

Разумеется, все социальные и этнические процессы, с которыми мы сталкиваемся при изучении малых городов Латвии, определяются общим характером социальных макроусловий, сложившихся в нашей стране на этапе развернутого строительства коммунизма. В данном исследовании эти условия учитывались сквозь ряд социально-демографических факторов, наиболее сильные из которых мы считаем руководящими. Необходимо подчеркнуть, что, говоря о руководящей роли того или иного фактора в функционировании семейных обрядов, мы подразумеваем, что в данном случае речь идет не только об их собственном влиянии, но и о воздействии на них производительных сил и производственных отношений. Таким образом, руководящие факторы являются продуктами исторического и социально-экономического развития общества.

При исследовании любых традиционных явлений нас в первую очередь интересует механизм передачи их от поколения к поколению. Относительно семейных обрядов возникло предположение о том, что полнота их соблюдения в известной мере зависит от информированности населения об этом явлении. Эти соображения выдвинули необходимость анализировать семейную обрядность в первую очередь в аспекте знания о ней. Для этой цели на основе сведений, полученных от старшего

поколения (60 лет и старше) и оцененных наивысшим баллом ("очень хорошо знает") был создан максимум информации, по которому оценивались ответы информаторов всех остальных возрастных групп. Этот максимум включал подробные сведения как по всему конкретному ритуалу, так и по отдельным его этапам¹⁰. Если опрашиваемый мог рассказать о всех этапах конкретного ритуала, его знание оценивалось как "очень хорошо знает", если же он имел представление об этих этапах, но не мог рассказать подробно о каждом в отдельности, знание его оценивалось ниже ("имеет ясное представление"). Если полученная информация ограничивалась отдельными отрывочными сведениями, информатор получил оценку "слабо знает". При отсутствии любой информации о семейных обычаях и обрядах, опрашиваемый получал низшую оценку ("не знает").

Совокупность сведений о семейных обрядах в аспекте знания, оцененных по вышеуказанной шкале, свидетельствует о неодинаковой сохранности всех трех ритуалов как вообще, так и в сравнении обоих городов. Меньше всего сохранились сведения о традиционном погребальном ритуале, о котором информация получена от 66,4% опрошенного населения г.Лудзы и 79,8% - г. Кулдиги. Трансформация погребального ритуала, происходившая в течение времени в обоих городах имела свои особенности, что отразилось на осведомленность населения о нем. Прежде всего это относится к весьма сильной утрате информации о предпохоронном периоде и концентрировании ее вокруг собственно погребения и погребальной трапезы. Тем не менее сохранившиеся сведения о предпохоронном периоде говорят о большой древности этого обряда, нисходящей иногда до первобытных форм религии. Сравнение данных по обоим городам свидетельствует о том, что населению г.Лудзы меньше, чем населению г.Кулдиги известны традиционные обычаи и обряды. Это относится как к совокупности полученных сведений, так и к шкалированным оценкам. В г.Лудзе численность населения, не имеющего представления о традиционных похоронах на 13,4% превышает численность этой же категории населения в г.Кулдиге. Очень хорошо знающих рассматриваемое явление в г.Лудзе на 6,9% меньше, чем в г.Кулдиге. Несколько

полнее у населения сохранились знания о традиционных родильных обычаях и обрядах. Однако и здесь свое влияние оставила историческое развитие как социально-экономических условий, так и самого ритуала. В результате этого и родильные обряды характеризуются отрывочностью и фрагментарностью. О более или менее полной сохранности знаний в данном случае можно говорить относительно периода беременности (запреты, поверия, приметы), смотрины новорожденного и некоторых традиционных обычаев и обрядах, связанных с собственно крещением. Это отражается на совокупности полученных сведений: в обоих городах больше половины опрошенного населения слабо знает рассматриваемое явление. Незначительная часть (4,9% населения г.Лудзы и 7,1% г.Кулдиги) очень хорошо знает родильные обычаи и обряды. Также как о погребальных обрядах, о родильном ритуале население г.Лудзы осведомлено слабее, чем население г.Кулдиги.

Латышская национальная свадьба в знании населения малых городов Латгале и Курземе сохранилась значительно шире погребальных и родильных ритуалов. Особенно это заметно при рассмотрении шкалированных оценок информации. Наиболее полное представление ("очень хорошо знают") о свадебном ритуале имеют 17,1% опрошенного населения г.Лудзы и 21,0% г.Кулдиги.

Как видно, население малых городов Латгале слабее информировано о всех трех ритуалах, нежели население малых городов Курземе. Видимо, в этом свою роль сыграла исторически сложившаяся ситуация. При общей тенденции постепенного стирания собственно этнических черт семейной обрядности в обоих регионах, в Латгале этот процесс протекает несколько быстрее. В основе городских семейных обрядов несомненно лежат сельские традиционные ритуалы. В этнически смешанной латгальской среде, где к тому же существовала значительная миграция^{II} утратились многие традиционные элементы семейных обрядов. В результате длительного сквозного проживания населения разной этнической принадлежности с одной стороны, унифицировались семейные обычаи и обряды, с другой - они

впитали множество элементов семейных ритуалов соседних народов.

Наши материалы свидетельствуют о том, что знание всех трех ритуалов очень тесно связано между собой. Иначе говоря, знание состояния одного из ритуалов наиболее полно информирует нас о знании состояния двух остальных. Это говорит о том, что хранителем сведений о традиционных семейных обрядах является определенная категория населения, которая характеризуется рядом схожих по состоянию признаков. Одним из наиболее важных среди этих признаков является возраст. Воздействие этой демографической детерминанты на знание всех трех традиционных семейных ритуалов в целом аналогична: с уменьшением возраста сокращается объем полученных сведений об этой стороне быта. Особенно это проявляется на примере родильных обрядов. Если среди старшего поколения (60 лет и старше) очень хорошо знают этот ритуал 19,6% опрошенного населения г.Лудзы и 21,7% населения г.Кулдиги, то в самой молодой возрастной группе (18-29 лет) в обоих городах не оказалось людей с таким объемом знания. В этой группе лишь 8,8% опрошенного населения г.Лудзы и 12,1% населения г.Кулдиги имеют ясное представление о рассматриваемом ритуале. Несколько иная тенденция раскрывается по отношению к свадьбе. Если в целом с уменьшением возраста сокращается объем информации о традиционной свадьбе, то все же молодежь (18-29 лет) в данном случае больше осведомлена о ней, чем о родильных и погребальных обрядах. Очень хорошо знают обряды свадьбы 15,5% населения г.Кулдиги и 7,4% населения г.Лудзы вышеупомянутого возраста. Таким образом, если хранителем информации о родильных и погребальных обрядах является в основном старшее поколение, то относительно свадьбы эту группу пополняет также молодое поколение.

Известно, что с возрастом тесно связано образование, которое детерминирует социальное положение населения. Социальное положение в свою очередь весьма тесно связано с знанием традиционных семейных обрядов. Материалы обоих городов свидетельствуют о том, что с повышением социального положения опрашиваемого уменьшается объем полученных

сведений о семейных обычаях и обрядах. Особенно ясно эта тенденция проявляется среди населения г.Лудзы. Наиболее полно, как и следовало ожидать, традиционные семейные обычаи и обряды знает население, не занятое в общественном производстве¹² - преимущественно люди старшего поколения, с весьма низким уровнем образования (пенсионеры, домохозяйки и др.). Так, например, родильные обряды очень хорошо знают 23,5% опрошенных людей этой группы в г.Лудзе. В то же время среди квалифицированных работников физического труда с таким знанием составляют всего 11,5% опрошенных в том же городе. Среди служащих не оказалось людей, очень хорошо знающих родильные обряды. Внимание привлекает в этом смысле интеллигенция, среди которой, видимо, повышается интерес к традиционным сторонам быта своего народа. Если 4,3% служащих в г.Лудзе имеют ясное представление о родильных обрядах, то среди интеллигенции эта часть составляет 19,2%. 1,3% опрошенных представителей этой социальной группы очень хорошо знают традиционные семейные обряды. Среди населения г.Кулдиги знание как родильных, так и свадебных и погребальных обрядов, сохраняя общую со средой г.Лудзы тенденцию, по социальным группам распределилось более равномерно.

Не углубляясь в анализ менее сильных связей семейной обрядности с другими социально-демографическими факторами, обратимся к совместному функционированию этого явления с некоторыми характеристиками одной из наиболее устойчивых компонент этноса - языка¹³. Специфика этнической среды обоих городов проявляется в языке общения на работе и в семье. Если среди населения г.Лудзы весьма широко бытует двуязычие в указанных сферах, то этого нельзя сказать о населении г.Кулдиги. Видимо, характер этнических контактов определяет взаимодействие двух компонент - обрядовой и языковой. К тому же обрядовая компонента представляется более устойчивой, чем языковая. Об этом свидетельствует большая неопределенность в распределениях указанных характеристик, хотя и знание традиционной семейной обрядности несколько увеличивается среди населения, которое преимущественно общается на латышском языке. Так, например, в

г.Кулдиге среди населения, общающегося на работе на латышском и русском языках 19,5% имеют ясное представление о родильных обрядах, а 2,4% очень хорошо их знают. В то же время население, говорящее на работе на латышском языке, с таким объемом знания соответственно составляет 11,8% и 4,3%. Еще большая неопределенность проявляется в среде населения г.Лудзы: здесь среди населения, говорящего на работе на русском языке, 4,3% очень хорошо знают родильные обряды, население, общающееся на работе на латышском и русском языках, с таким объемом знания составляют 1,4% употребляющее только латышский язык - 3,9%.

Таким образом видим, что семейная обрядность в аспекте знания теснее связана с социально-демографическими факторами, которые являются определяющими в ее развитии, чем с собственно этническими.

Возвращаясь к цели раскрытия механизма передачи опыта о традиционных семейных обрядах, обратимся к анализу взаимосвязи аспектов знания и соблюдения их. Источники накопления знаний о традиционных семейных обрядах, разумеется, могут быть самые разные - научная и художественная литература, средства массовых коммуникаций (пресса, радио, кино, телевидение) и т.д. Каждый из этих источников может быть исследован в аспекте его роли в передаче опыта семейных обрядов от поколения к поколению. В данном случае нас интересует тенденция взаимовлияния знания семейных обрядов с обрядовой практикой (бытованием обрядов). Материалы проведенного массового опроса населения двух выбранных городов свидетельствуют о том, что соблюдение того или иного ритуала является основным источником накопления сведений о нем. Проследим эту тенденцию на примере свадьбы¹⁴. Наиболее полный объем сведений ("очень хорошо знает") о традиционной латышской свадьбе в обоих городах нам сообщило население, которое свою свадьбу справляло в виде полного традиционного ритуала или современного национального ритуала: в г. Лудзе численность этой группы составляет 75,5%, в г.Кулдиге - 59,2%. Люди, слабо знающие традиционные свадебные

обряды в основном свою свадьбу справляли в виде вечеринки или вечеринки с некоторыми элементами традиционного ритуала¹⁵. В г.Лудзе численность этой группы составляет 57,0%, в г.Кулдиге - 54,4%. То же самое можно сказать о населении, не знающего традиционные свадебные обряды, из которых 66,6% в г.Лудзе и 66,7% в г.Кулдиге справляли свадьбу в указанных формах. Однако проявляется и другая тенденция: определенная группа людей в обоих городах очень хорошо знает свадебные обряды, но на практике предпочла вечеринку или вечеринку с некоторыми элементами традиционного ритуала. Следовательно, для этой группы приверженность к традиционным семейным обрядам проявляется не на практике, а в области сознания. Наши материалы свидетельствуют о том, что эти отклонения от ведущей тенденции происходят за счет социальной группы интеллигенции, среди которой, как указывалось выше, несколько повышается уровень знания традиционных семейных обрядов. При этом следует отметить, что больше половины опрошенных представителей интеллигенции (57,2% в г.Кулдиге и 50,7% в г.Лудзе) на практике соблюдали такие формы свадьбы, в которых меньше всего присутствуют традиционные элементы (вечеринка с некоторыми элементами традиционного ритуала, вечеринка, общественная (комсомольская) свадьба). Это обстоятельство говорит о том, что с повышением социального положения семейная обрядность в аспекте знания приобретает определенный социальный смысл и в данном случае выступает как некоторое выражение этнического самосознания интеллигенции.

Таким образом, обрядовая практика является основным источником накопления знаний о традиционных семейных обрядах. Этим и объясняется то обстоятельство, что среди молодежи весьма обширно распространены сведения о традиционных элементах свадебного ритуала. Здесь, несомненно, свою роль сыграло внедрение новой гражданской обрядности, начавшееся с 60-х годов. Эмоциональный и торжественный акт бракосочетания, происходящий в ЗАГСах не только нашел большое признание среди населения, но и способствовал своего рода возро-

дению элементов традиционного свадебного ритуала. Следует отметить, что эти элементы лишь в отдельных случаях являются сугубо специфическими для латышского народа и еще меньше только для населения малых городов Латгале и Курвеме. В большинстве случаев они являются общими не только для латышей, но и для других советских народов и как этнически специфические они лишь осознаются населением.

Если бытование ритуалов определяет их знание, то вопрос о перспективном сохранении традиционных обрядов в определенной мере должен решаться в зависимости от отношения населения к ним. Отношение к рассматриваемым ритуалам в цикле жизни человека несколько отличается. В отношении е родильным и погребальным обрядам вопрос преимущественно решается относительно официального оформления ритуала (гражданский или религиозный ритуал). В установках на свадебные обряды большую роль играют народные традиционные элементы.

Из данных обследования видно, что в формировании установок на обряды наблюдаются две тенденции. С одной стороны, чаще всего положительное отношение высказывалось к той форме ритуала, которая соблюдалась на практике в жизни опрашиваемого (относительно погребального ритуала имеются в виду похороны наиболее близкого в родственном отношении человека в жизни опрашиваемого). Так, среди населения, имеющего положительное отношение к гражданскому ритуалу наречения имени ребенку, соблюдали его на практике 56,8% населения в г.Лудзе и 62,8% в г.Кулдиге. По отношению к свадьбе эта тенденция особенно проявляется среди населения г.Лудзы. Из числа людей, имеющих положительное отношение к проведению свадьбы в виде вечеринки, ее справляли 58,3%. С положительным отношением к современному национальному ритуалу 47,1% его соблюдали на практике. С другой стороны, независимо от реально бытовавшего того или иного ритуала, четко прослеживается возрастание приверженности к современным гражданским обрядам. Из числа людей, в настоящее время имеющих положительное отношение к современному гражданскому ритуалу наречения имени ребенку, 27,2% в г.Лудзе и 30,9% в г.Кулдиге в прошлом соблюдали религиозный обряд крещения ребенка.

Это говорит о том, что успехи создания современных гражданских обрядов играют огромную роль в атеистическом воспитании населения и изживании религиозных пережитков.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что на современном этапе развития этнических процессов происходит постепенное стирание этнической специфики (особенно объективной) одной из наиболее устойчивых компонент этноса - традиционной семейной обрядности. Этот процесс затрагивает население малых городов, которое по сравнению с населением городов других типов меньше испытывает влияние урбанизации. Проявляется также роль этнического окружения в сохранности традиционных черт быта, в данном случае семейной обрядности. Наши материалы свидетельствуют о том, что этнически смешанная среда способствует стиранию традиционных элементов. Однако длительные этнические контакты позволяют взаимообогащать эту консервативную сторону быта между населением разной этнической принадлежности. В результате формируются семейные ритуалы, которые в большинстве случаев являются в известном смысле интернациональными, но субъективно осознаются этнически специфическими.

Бытование ритуалов, определяющее как знание обрядов, так и отношение к ним, связано с изменениями в социально-экономической жизни народа. Рост материального благосостояния населения, улучшение бытовых условий, медицинского обслуживания и другие мероприятия, имеющие место в советском обществе, ликвидировали основу бытования ряда обычаев и обрядов, вредных для лиц, участвующих в них. В первую очередь это относится к родильным обычаям и обрядам. Ввиду того, что роды не происходят больше в домашних условиях, утрачивается и интерес населения к обычаям и обрядам, связанным с ними. Менее прямое влияние испытывает свадебный ритуал, чем и объясняется большая его сохранность как в области бытования, так и знания.

На этапе интенсивного развития этнических процессов происходит постепенное стирание традиционных черт семейной обрядности, Однако стремление людей торжественно отмечать

важные события в жизни, обуславливает возрождение и переосмысление традиционных обрядов, которые не противоречат нравственным и эстетическим установкам советского гражданина. Успехи создания новой гражданской обрядности, таким образом, решаются в зависимости от рационального сочетания традиционных и интернациональных элементов семейной обрядности.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- 1 Численность, размещение, возрастная структура, уровень образования, национальный состав, языки и источники средств существования населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1970 года. М., 1971, с. 9.
- 2 Под малым городом, согласно классификации, имеется в виду город с населением до 20 тыс. человек. См.: Краткая географическая энциклопедия, т. I, М., 1960, с. 479.
- 3 Латвийская ССР в цифрах в 1968 году. Рига, 1969, с. 10.
- 4 Ганцкая О. А., Терентьева Л. Н. Этнографические исследования национальных процессов в Прибалтике. "Советская этнография" (далее СЭ), 1965, № 5.
- 5 Подробнее о методе выбора городов и определении необходимого для массового опроса объема выборочной совокупности см. Кондратьев В. С., Эндзеле М. Некоторые вопросы методики сбора информации для исследования семейных обрядов городского населения. Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 году, II. М., 1972.
- 6 Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973, с. 63.
- 7 Наиболее полный вклад в изучении семейных обрядов латышей вложила московский этнограф Л. Н. Терентьева. Обращались к этой проблеме так же латышские этнографы Л. Вфремова, Э. Чивкуль и др.
- 8 Бирон А., Дорошенко В. Советская историография Латвии. Рига, 1970, с. 454.

- 9 При выдвижении указанных аспектов мы воспользовались опытом удмуртского исследования, проведенного под руководством В.В.Пименова в 1968 году. См.: Христолюбова Л.С. Семейные обряды удмуртов (опыт количественной характеристики). Автореф. канд. дисс. М., 1970.
- 10 Справными моментами для сбора сведений послужили следующие: Для родильных обрядов: приметы, поверия, запреты для женщины в периоде беременности, обычаи и обряды, связанные с собственно родами, условия при родах, посещение роженицы, наречение имени ребенку, официальное оформление имени ребенка, традиционные элементы крестин или праздника наречения имени. Для свадебного ритуала: знакомство молодых людей, выбор невесты (жениха), сватовство, обручение, приданое, его приготовление и состав, перевоз приданого на новое место жительства, свадьба (официальное оформление брака, круг гостей, свадебный пир, его организация, роль посаженных родителей, свадебный стол, блюда и их приготовление, обряд снятия фаты и венка и т.д.), послесвадебные обычаи и обряды. Для погребального ритуала: предпохоронные обычаи и обряды (уход за покойником, обычаи, связанные с одеждой покойного), процессия похорон (участвующие лица), похороны (угощение перед похоронами, последнее угощение у гроба, религиозный или гражданский обряд), похоронная трапеза (круг гостей, стол похоронной трапезы, обязательные блюда, их приготовление), поминки (время справления, участвующие лица).
- 11 Здесь имеется в виду в основном миграция отдельных лиц, одной из причин которой было распространение среди населения Латгале отхожих промыслов.
- 12 В использованной в данном исследовании социальной структуре эта группа именовалась как "прочие".
- 13 Языковая компонента в данном случае представлена следующими характеристиками: разговорный язык в семье, разговорный язык на работе, родной язык.
- 14 Бытование свадебного ритуала нами фиксировалось в виде формализованных подразделений: полный традиционный риту-

ал (восстановлен по сведениям старшего поколения, относящимся к началу XX века), современный национальный ритуал, бытующий в основном с 60-х годов нашего века, вечеринка с некоторыми элементами традиционного ритуала, вечеринка и общественная (комсомольская) свадьба. Подробнее об этом см.: Эндзеле М. Состояние латышской национальной свадьбы на начало XX века (по материалам малых городов Латгале и Курземе). Итоги полевых работ Института этнографии в 1972 году. М., 1973.; М.Эндзеле. Свадебные обряды латышского городского населения в XX веке (по материалам малых городов Латгале и Курземе). СЭ, 1973, № 4.

- 15 Под вечеринкой мы подразумеваем свадьбу, в которой отсутствуют какие-либо традиционные элементы. К вечеринке с некоторыми традиционными элементами мы отнесли свадьбу, в которой соблюдались отдельные обряды, например, почетные ворота, встреча с хлебом-солью и др.

SATURA RĀDĪTĀJS

1. I.Кемере. Dažāda politiskās teorētiskās problēmas Aristoteļa politiskajos uzskatos 3
2. А.Ролова. К вопросу о классовой борьбе во Флоренции 19
3. А.Ролова. Роль правительственной политики в развитии промышленности Флоренции и других городов Тосканы 37
4. V.Pāvulāne. Rīgas kredīttirdzniecības raksturs pēc XVII gs. tirdzniecības likumiem ... 59
5. O.Niedre. Dažas ziņas par Rīgas pilsētas iespēšanas apkārtējā teritorijā 20. gs. sākumā 72
6. M.Эндзеле. Из опыта исследования семейных обрядов населения малых городов Латгале и Курземе 77

Ученые записки, том 211

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ГОРОДА

(на латышском и русском языках)

Редактор В.Павулан
Технический редактор Р.Пуринь
Корректор В.Балоде

Редакционно-издательский отдел ЛГУ им. Петра Стучки
Рига 1974

Подписано к печати 28.06.1974. ЯТ 24021. Зак. № 900.
Ф/б 60x84/16. Бумага №1. Физ.п.л. 6,0. Уч.-и.л. 4,3
Тираж 250 экз. Цена 27 к.

Отпечатано на ротапринтере, Рига-50, ул.Вейденбаума,5
Латвийский государственный университет им. П.Стучки